

ОСОБОЕ ПРИСУТСТВІЕ
ОДЕССКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ.

1176
11680

ДЕЛО О ПОГРОМѢ

18 и 19 Апрѣля 1906 года

въ г. Мелитополь.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ ВЪ ТИПОГРАФІИ

—*— Н. З. Лемперта, —*—

г. МЕЛИТОПОЛЬ,

Воронцовская улица, д. Общества Взаимнаго Кредита.

МЕЛИТОПОЛЬ

типографія Н. З. Лемперта, домъ Общества Взаимнаго Кредита.

1906

ОДЕССКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ.

801-13

740

ДѢЛО О ПОГРОМѢ

18 и 19 Апрелья 1906 года

въ г. Мелитополь.

Дозволено Цензурою. г. Харьковъ, 19 Апрелья 1906 г.
№ 185

МЕЛИТОПОЛЬ

Типографія Н. З. Лемперта, домъ Общества Взаимнаго Кредита.

1906.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

24 Февраля 1906 г.

Печатано съ разрѣшенія Г. Таврическаго Губернатора.
25 Февраля 1906 года.

2011123016

24 Февраля с/г. въ 1 ч. 15 м. дня открыто засѣданіе Судебной Палаты въ составѣ: Предсѣдательствующаго г. Лонгинова, членовъ Палаты: г.г. Мерзлякова, Нечаева, Куницина и сословныхъ представителей: Уѣзднаго Предводителя Дворянства Е. В. Рыкова, Городскаго Головы И. Е. Черникова, и Ефремовскаго волостнаго Старшины. Обвиняетъ Товарищъ Прокурора Палаты г. Желтановскій.

Обвиняемыхъ въ погромѣ и расхищеніи имущества защищаютъ Присяжный Повѣренный г. Мурзаевъ и Кандидатъ на Судебныя должности по назначенію Палаты.

Самооборону защищаетъ прибывшіе: изъ Одессы г. Шапиро, изъ Керчи г. Дубосарскій. Повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ выступилъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, г. Гиллерсонъ.

Обвиняемыхъ по дѣлу 29 лицъ, свидѣтелей 239. Повѣрка этой массы лицъ сильно замедляетъ начало открытія засѣданія Палаты. Неявилось къ началу засѣданія два подсудимыхъ Ляшко и Аффринъ и нѣсколько свидѣтелей. Во время засѣданія названныя подсудимые прибыли.

Г. Мурзаевъ беретъ на себя защиту только 21 подсуд., ходатайствуя остальныхъ передать его товарищамъ по защитѣ.

Г. Шапиро доложилъ суду, что по этому дѣлу придутъ Врублевскій и Пергаментъ.

Г. Дубосарскій, заявивъ, что онъ защищаетъ Сирицаго, Штрауса и Алендора, возбуждаетъ ходатайство о допущеніи его въ качествѣ гражданскаго истца къ подсудимымъ, обвиняемымъ въ еврейскомъ погромѣ и одновременно допустить къ защитѣ нѣкоторыхъ членовъ самообороны. Прокуроръ возражаетъ противъ этого совмѣщенія, но г. Дубосарскій настаиваетъ на своемъ ходатайствѣ, мотивируя его тѣмъ, что интересы самообороны и потерпевшихъ отъ погрома по обвинительному акту настолько солидарны, что совмѣщеніе ихъ не является незаконнымъ. Въ удовлетвореніи этого ходатайства было Палатою отказано, но тутъ-же на судѣ уполномочіе передано г. Гиллерсону по передовѣрью.

Дѣляется перекличка и опросъ подсудимыхъ, читается списокъ неявившихся обвиняемыхъ и свидѣтелей и основанія къ неявѣ.

Защита ходатайствуетъ объ оглашеніи показанія нѣкоторыхъ неявившихся свидѣтелей, въ томъ числѣ бывшаго уѣзднаго исправника Смѣлкова и объ освобожденіи другихъ. Въ числѣ неявившихся называется молдаванинъ Танасовъ, содержащійся въ Мелитопольской тюрьмѣ. Въ виду важности его показанія Г. Дубосарскій проситъ вызвать его въ Судъ, а также домашняго учителя г. Барсука, показанія котораго очень серьезны, какъ обвиняющія власти.

Требованіе это поддерживаютъ и другіе защитники.

Г. Предсѣдатель Палаты предлагаетъ, не найтъ ли нужнымъ г. Прокуроръ освободить нѣко-

торыхъ свидѣтелей по несущественности ихъ показаній.

Послѣ перерыва г. Прокуроръ читаетъ имена тѣхъ свидѣтелей, которыхъ онъ находитъ возможнымъ освободить вовсе, по относительно нѣкоторыхъ свидѣтелей защита настаиваетъ о допросѣ ихъ. Свидѣтели эти: Г.г. Эссенъ, В. и А. Шитиковы, Здора, Зевинъ, Кушенко, Гилоди, Коношкинъ, Дукаревичъ, Зубковъ, Воробьевъ, Гапонъ, Харченко, Н. Березовскій, Морозовъ, Кузьменко, Рыковъ, Ленкевичъ, Сердюкъ, Каспаровъ, Письменко, Кузьменко и Мушацкій.

Г. Прокуроръ не возражаетъ противъ допроса этихъ лицъ. Подсудимый Штраусъ проситъ вызвать его хозяина г. Натанзона, который засвидѣтельствуетъ, что обвиняемый во время погрома находился дома.

Относительно молдаванина Танасова, Прокуроръ предлагаетъ прочесть его показаніе, какъ равно и показаніе отсутствующаго учителя Барсука, находя показанія ихъ не такъ важными.

Г. Шапиро настаиваетъ на допросѣ Танасова въ Палатѣ. Хотя Танасовъ и былъ приведенъ изъ тюрьмы, но въ первый день засѣданія онъ допрошенъ не былъ.

Послѣ перерыва и по обмѣнѣ мнѣніями сторонъ относительно возможности слушать дѣло за отсутствіемъ подсудимаго Африна, Палата вынесла резолюцію, коею признала возможнымъ продолжать разборъ дѣла.

Въ вечернемъ засѣданіи прочитанъ обвинительный актъ и опросъ подсудимыхъ, которые на

вопросъ о виновности отвѣтили всѣ отрицательно.

Затѣмъ изъ всего состава свидѣтелей выдѣлена была первая группа въ 50 лицъ для допроса, а по приведеніи ихъ къ присягѣ, за позднимъ временемъ, объявленъ перерывъ до 25 числа, свидѣтели-же евреи, по случаю субботы слѣдующаго дня, отпущены до воскресенья 26-го числа.

Засѣданіе Палаты закрыто въ 11 часовъ ночи.

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

25 Февраля 1906 г.

Какъ видно изъ обвинительнаго акта, утвержденнаго Од. Суд. Палатой 7 ноября 1905 г., суду преданы слѣдующія лица: 1) Казакъ Федоръ Безверхій 23 л.; 2) крестьяне: Семень Дикій 20 л., Данилъ Сенигинъ 49 л., Василій Сенигинъ 25 л., Захарій Сенигинъ 23 л., Гаврилъ Сенигинъ 21 г. и Михаилъ Сенигинъ 17 л.; рядовой Максимъ Ляшко 23 л., крестьянинъ Петръ Литвиненко 47 л., поселяне: Эмизій Ульрихъ 23 л.; Христиана Зеель 40 л.; мѣщанинъ Никита Мѣдниковъ 29 л.; крестьяне: Егоръ Вишниченко 37 л.; Михаилъ Коноваловъ 17 л.; Иванъ Лошаковъ 38 л.; Степанъ Жувравлевъ 24 л.; запасной рядовой Семень Селезневъ 33 л.; крестьянинъ Иванъ Болотинъ 31 г.; Деписъ Козевинъ 39 л.; Иванъ Дюбинъ 20 л.; Казакъ

Прокофій Бузницкій 44 л., Фридрихъ Штраусъ 20 л., мѣщане г. Мелитополя: Аронъ Аландоръ 24 л., Гершъ Афринъ 21 г., Борохъ Бушейкинъ 19 л., г. Лохвицы Мордухъ Квитницкій 25 л., г. Перекопа Абрамъ Турецкій—бывшій земледѣлецъ, Яковъ Коганъ 38 лѣтъ и Меерь Сирицкій 36 лѣтъ, по обвиненію въ томъ, что они приняли участіе въ публичномъ скопищѣ соединенными силами, учинившимъ насиліе надъ разными лицами, похищеніи и поврежденіи чужого имущества, а также вторженіи въ чужія жилища вслѣдствіе побужденій, проистекавшихъ изъ религіозной и племенной вражды къ еврейскому населенію. Обвиненіе къ разнымъ лицамъ предъявлено по 1 и 3 ч. 269¹ ст. улож. о нак., 2 ч. 1609 и 3 ч. 1610 ст. ул. 9 и 2 ч. 1455 ст. того-же уложенія.

Утреннее засѣданіе Судебной Палаты 25 февраля открыто допросомъ свидѣтелей первой очереди. Вызванъ былъ уѣздный Исправникъ г. Безруковъ, который на вопросъ г.г. предсѣдателя и членовъ Палаты, прокурора и сторонъ, далъ, въ общемъ, слѣдующее показаніе.

18 апрѣля 1905 г. городской донесъ, что на Ярмарочной площади возникли безпорядки. Г. Безруковъ отправился на извозчикѣ на площадь, гдѣ уже была толпа до 150 человѣкъ, преимущественно изъ людей пьяныхъ. Онъ сталъ уговаривать толпу, но это не оказало никакого вліянія и толпа начала разбивать лавку Малкина, а затѣмъ ринулась на Александро-Невскую улицу. Вернувшись въ Полицейское Управление, Исправникъ послалъ за мѣст-

ной командой и послалъ телеграмму г. Губернатору. Затѣмъ околоточный доложилъ, что толпа громить аптеку Райха, онъ поспѣшилъ туда и увидѣлъ, какъ толпа бросала камни, а изъ верхняго этажа стрѣляли изъ револьверовъ. При немъ былъ раненъ одинъ человекъ, а до него два, которые отправлены въ городскую больницу. Послѣ раздалися выстрѣлы съ балкона д. Ридника, возлѣ воротъ котораго увидѣлъ толпу евреевъ, человекъ около 30. Черезъ нѣкоторое время послышался сигналъ жюлика мѣстной команды, она прибыла поздно. Соединившись съ поручикомъ Карогозиномъ, г. Исправникъ разгонялъ толпу до 12 часовъ ночи.

Послѣднюю толпу г. Безруковъ разогналъ на Фонтанной улицѣ. Видѣлъ, какъ горѣли корпуса городскихъ лавокъ, много можно было-бы спасти, но пожарная команда отсутствовала, а пожарные служители были пьяны. Отсюда Исправникъ отправилъ нѣсколько громилъ въ участокъ. Оказать сильное сопротивление толпѣ онъ не могъ въ виду малочисленности команды и городскихъ.

На другой день, 19 апрѣля, было тихо и, казалось, не предвѣщало никакихъ волненій, но къ 9-ти часамъ утра стали разѣзжаться по городу лица самообороны и появились отдѣльные отряды. Это вызвало волненіе и въ началѣ 10 часа послышались выстрѣлы. Пришлось снова разгонять толпы, пока къ 2 часамъ дня не прибыли солдаты.

На отдѣльные вопросы г. Безруковъ показывалъ, что отдѣльныхъ возгласовъ „бить жидовъ“ не слышалъ. Въ толпѣ, бросавшей камни, были парни, дѣвцы и дѣти. О самооборонѣ говорилъ,

что о ней ничего не слышалъ, такъ какъ служить исправникомъ только съ апрѣля мѣсяца. О причинахъ погрома, о предшествовавшихъ слухахъ и о прокламаціяхъ также ничего не слышалъ, все было тихо. Толпа была пьяная изъ простого народа— порядочные не пойдутъ громить. Что было раньше возлѣ аптеки Райха, не знаетъ, видѣлъ только бомбардировку: изъ аптеки выстрѣлы, а съ улицы обратно камни. Около него, Исправника, былъ раненный пулей изъ револьвера, онъ держался за високъ и самъ себѣ сдѣлалъ перевязку. Возлѣ дома Ридника толпа была небольшая, стрѣляли изъ воротъ и балкона, но когда г. Безруковъ крикнулъ: перестаньте стрѣлять— конопада прекратилась.

Для тушенія пожара приходилось приглашать постороннихъ лицъ и заставлять водовозовъ возить воду. Кому, т. е. въ чьемъ распоряженіи находится пожарная команда, отвѣтили что она находится въ вѣдѣніи Городского управленія. Онъ посылалъ къ Городскому Головъ, но къ нему не достучались.

Составъ команды незначительный. На вопросъ, почему были пьяны и не торговалъ ли виномъ г. Эссенъ, г. Безруковъ отозвался незнаемъ, запасались водкой наканунѣ праздниковъ. Слухъ о Эссенѣ оказался ложнымъ. Толпу уговаривалъ онъ и Пристава, просилъ почетныхъ евреевъ воздѣйствовать на молодежь. О крикахъ бей жидовъ и полицію не слышалъ, не помнитъ, сколько было арестованныхъ. Для чего были переодѣты чины полиціи на пожарѣ не помнитъ. Слышалъ ли выстрѣлы, стоя на углу Воронцовской и Кузнечной улицъ, говоритъ, что были, видѣлъ дымъ. Когда напала толпа на домъ

и пекарню Жамгопова, не видѣлъ. На вопросы, какъ относилось деревенское населеніе къ евреямъ, отвѣтилъ: хорошо; какъ въ послѣднее время, не знаетъ. 19-го Апрѣля толпа была враждебно предшествующаго дня. Запрещалъ ли стрѣлять возлѣ аптеки Райха, г. Безруковъ, сказалъ, что тамъ былъ отвѣтъ на бросаніе камней. Нижніе чины и частныя лица говорили, что отношеніе русскаго и еврейскаго населенія враждебно, первые раздражались стрѣльбой.

Объ образованіи самозащиты передъ 25 Марта и о слухахъ о 25 Марта ничего не слышая. Въ толпѣ самообороны видѣлъ только евреевъ. Объ организациі Соціалъ-Демократической Партіи въ Мелитополѣ ничего не знаетъ, не слышалъ.

Изъ сель, кажется, народъ былъ, но мѣстные ли это крестьяне, не знаетъ, не присматривался. 19-го Апрѣля уже было много вооруженныхъ палками и дрекольями.

Изъ дальнѣйшихъ показаній о событіяхъ 18 и 19 Апрѣля и о предшествовавшемъ имъ времени, слухахъ и печатныхъ прокламаціяхъ напрашивается выводъ о слабой освѣдомленности свидѣтеля относительно совершавшихся вокругъ насъ явленій, ненаблюдательности и неспособности ориентироваться въ сложныхъ перипетіяхъ жизни. Объяснить это можно только недавнимъ назначеніемъ свидѣтеля на постъ Исправника передъ днями погрома.

Слѣдующее показаніе принадлежитъ Члену Окр. Суда И. И. г. Бакалову.

Членъ Окружнаго суда г. Бакаловъ показалъ, что въ 7 часовъ вечера 18 апрѣля онъ возвращался домой. На улицахъ было тихо, по крайней

мѣрѣ, онъ ничего не видѣлъ, публика гуляла спокойно. Но не прошло и полъ часа, приблизительно въ 7^{1/2} вечера были слышны выстрѣлы и звонъ разбиваемыхъ стеколъ. Г. Бакаловъ спросилъ бѣжавшихъ людей, въ чемъ дѣло? Отвѣчали, что на Ярмарочной площади бунтъ. Успокоивъ семью, свидѣтель вышелъ во дворъ и сталъ наблюдать за уличнымъ движеніемъ, спрашивалъ прохожихъ, желая узнать причины бунта. Одинъ еврей говорилъ, что возлѣ аптеки Райха стрѣляютъ изъ пулеметовъ и онъ самъ видѣлъ 50 труповъ. Отнесясь съ полнымъ недоверіемъ къ этому сообщенію, г. Бакаловъ черезъ нѣкоторое время вышелъ въ городъ, чтобы лично узнать, что тамъ дѣлается. Около дома Танатарова стояла толпа молодыхъ евреевъ, вооруженныхъ палками, онъ обратился къ нимъ за разъясненіемъ, что они изъ себя представляютъ. Ему отвѣтили, что это охрана и что цѣль ея — не допустить погромщиковъ на Торговую улицу. При этомъ было сказано, что полиція препятствуетъ охранѣ пройти на площадь. Спросивъ, гдѣ громилы, г. Бакаловъ пошелъ на базарную площадь и за нимъ инстинктивно пошла и охрана. Какое-то мальчикъ сообщилъ, что громилы идутъ сюда, охрана отступила назадъ, а вслѣдъ заѣмъ раздалась выстрѣлы изъ револьверовъ, которыхъ прежде свидѣтель не замѣтилъ. Но дорогѣ встрѣтилъ г. Торова, сообщившаго, что онъ потушилъ начавшійся пожаръ въ лавкѣ Косого. На базарной площади публики уже не было, кромѣ небольшихъ группъ. Возлѣ лавокъ стояло немного народа, сквозь ставни виднѣсь была огонь.

Евреи жаловались на бездѣтельность полиціи и городского головы, къ которому три раза ходили, стучались въ двери, но онъ заперся и не выходилъ и просили послать жалобу губернатору, пожарной команды не было. Она, какъ свидѣтелю извѣстно, сдана городскимъ управленіемъ подрядчику Еременко. Съ площади г. Бакаловъ подошелъ къ лавкамъ; тамъ тоже никого не было, кромѣ нѣсколькихъ женщинъ и мужчинъ, вытаскивавшихъ товары изъ лавокъ. Онъ обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ, указывая и на серьезную отвѣтственность за похищеніе при такихъ обстоятельствахъ чужого имущества, послѣ чего люди эти ушли. Придя къ аптекѣ Райха, свидѣтель увидѣлъ, что стекла въ ней и магазинахъ были выбиты, тротуаръ усеянъ осколками стеколъ и камнями. Здѣсь же г. Бакаловъ встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ и владѣльца построекъ г. Купенко, жаловавшагося, что при тушеніи огня онъ обжогъ себѣ руку и какъ онъ отстоялъ свои постройки. Кондитерская Кублановскаго была нѣсколько разбита, товаръ разбросанъ. Подойдя къ ряду лавокъ Мушацкаго свидѣтель былъ пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при закрытыхъ дверяхъ и окнахъ свозъ цѣли ставень былъ виднѣнъ огонь, в дымъ проходилъ подъ крышей. Зная, что его знакомый, Нотаріусъ Орловъ, серьезно боленъ, свидѣтель вытаскал потушить огонь, чтобы онъ не перешелъ на смежную квартиру Орлова, но ничего не могъ сдѣлать за отсутствіемъ народа, воды, пожарныхъ снарядовъ и полиціи.

По этой-же улицѣ мелкія лавки Шелестова и другихъ были уже разбиты, улица усеяна короб-

ками и разными обломками. Возлѣ кондитерской Кублановскаго писецъ уѣзднаго съѣзда Семеновъ сообщилъ, что громилы находятся на Фонтанной улицѣ. Встрѣтивъ возлѣ аптеки Райха помощника Исправника, г. Бакаловъ просилъ его дать ему въ проводники городского, чтобы пройти на Фонтанную улицу, но помощникъ Исправника самъ пошелъ съ нимъ туда. На перекресткѣ Кузнечной и Фонтанной улицъ встрѣтили г. Синицина. Онъ говорилъ о погромщикахъ, что всѣхъ ихъ знаетъ, это босяки изъ большого шелога, говорилъ о семьѣ сапожника, принимавшей участіе въ погромѣ. Тутъ-же слышалъ, что погромщики прошли уже было домъ Гольденберга, но когда оттуда послѣдовалъ выстрѣлъ, вернулись и разбили постройки и имущество. Возвратясь вновь на базарную площадь, свидѣтель напелъ пожаръ принявшимъ широкіе размѣры. Одинъ еврей просилъ разрѣшенія взять товары. Послѣ погрома слышалъ, какъ въ магазинѣ Литягина приказчики рассказывали о нѣкомъ Сенькѣ, объяснявшемъ причину погрома грубымъ обращеніемъ пристава съ публикой, которую пужно проучить и что этотъ Сенька предполагалъ затѣять притворную драку, чтобы вызвать безпорядки. Клубный буфетчикъ сообщилъ свидѣтелю, что когда поднялся шумъ на Ярмарочной площади и толпа приблизилась къ кондитерской Кублановскаго, то со двора Мушацкаго раздался выстрѣлъ, которымъ былъ раненъ въ грудь лакей гостиницы «Бристоль», а затѣмъ былъ раненъ мальчикъ изъ-подъ воротъ. Послѣ этого толпа запаслась камнями и начала громить лавки.

19 апрѣля въ 9 ч. утра свидѣтель вышелъ въ городъ осмотрѣть слѣды погрома. На улицахъ уже было много народа, державшагося спокойно, лавки догорали. Черезъ нѣкоторое время на Торговой улицѣ показалась самооборона, выстроившаяся по 4 человека въ рядъ. Съ балкона уѣзднаго съѣзда г. Бакаловъ, до появленія охраны, видѣлъ группу парней, которая потомъ направилась къ Рыбной улицѣ и оттуда вернулась вооруженной палками, колыями, а одинъ въ красной рубахѣ съ топоромъ. Прежде всего громилы бросились къ полиціи требовать освобожденія арестованныхъ. Въ скорости въ съѣздъ явился настоятель собора о. Василій Яновскій, котораго г. Бакаловъ просилъ обратиться съ увѣщаніемъ къ толпѣ. Призывъ протоіерея къ братской любви и миру и о вредѣ отъ національной розни не встрѣтилъ желательныхъ послѣдствій: послѣ рѣчи, толпа съ крикомъ «бей жидавъ» бросилась бѣжать по улицѣ.

Самооборона въ это время стояла на углу д. Ташатарова и. на взглядъ свидѣтеля, состояла изъ евреевъ. Раздались выстрѣлы Отецъ Члена Окружного Суда г. Васенко пытался остановить толпу, ставъ передъ ней съ распростертыми руками, г. Бакаловъ также уговаривалъ ее перестать безчинствовать, но безуспѣшно, неактивная же публика была настроена недружелюбно. Толпа громилъ потребовала удаленія охраны, о чемъ просила свидѣтеля, общая разойтись. г. Бакаловъ просилъ охрану удалиться изъ глазъ народа и она ушла, стала расходиться и толпа, слышались голоса, что швейцара гостинницы убили и пр. въ этомъ родѣ.

Въ это же время свидѣтель услышалъ стрѣльбу со стороны Вокзальной улицы.

О самооборонѣ свидѣтель отозвался, что, какъ онъ слышалъ, цѣлью ея было недопустить насилій надъ людьми и убійствъ, игнорируя имущественные интересы.

Объ отношеніяхъ христіанскаго и еврейскаго населенія свидѣтель заявилъ, что оно было хорошимъ.

Зачинщиками были всегда мальчишки, они первые побѣжали съ Ярмарочной площади, крича «ура», били въ домахъ, неразбирая русскихъ и евреевъ, стекла, опрокинули киоскъ.

Въ первый день погрома, видя возможность спасти товары изъ магазина Морозова, г. Бакаловъ два раза посылалъ за владѣльцемъ, но онъ не пришелъ, какъ потомъ объяснивъ, изъ боязни, его удерживала семья.

Быль объявленъ перерывъ засѣданія.

Продолжая свое показаніе послѣ перерыва, г. Бакаловъ на предлагаемые ему вопросы сторонами относительно разныхъ частей событій 18 и 19 Апрѣля, между прочимъ говорилъ со словъ другихъ лишь о четырехъ братьяхъ громилахъ, фамиліи которыхъ онъ не знаетъ. Отстрѣливаніе изъ аптеки Райха имѣло большое моральное значеніе въ смыслѣ отраженія нападенія, оно не имѣло раздражающаго характера, т. к. стрѣляли сначала и изъ нѣкоторыхъ русскихъ домовъ, почему не могла перенестись вражда на евреевъ. Разбрасываніе прокламацій антиправительственнаго содержанія въ Кизіярѣ и Песчаномъ, въ чемъ принимали участіе,

какъ онъ слышалъ не только евреи, но и русскіе, имѣло также вліяніе на раздраженіе русскихъ, которые, приписывая это только евреямъ, указывали на случай ареста еврея при распространѣніи прокламацій среди призываемыхъ во время мобилизаціи войскъ Управленія Военскаго Начальника. Рабочее населеніе значительно; социаль-демократическія тенденціи распространяются среди еврейской массы; что касается собраній социаль-демократ. кружковъ, то слышалъ отъ г. Тимченко только объ одной сходкѣ въ саду Алейникова, но тамъ были и желѣзнодорожные русскіе служащіе. Собраніе это было приурочено къ рабочему празднику, совпадающему съ 1-мъ Мая по новому стилю, о чемъ онъ прежде не зналъ и услышалъ впервые отъ знакомаго. О дѣйствіяхъ Жандармскаго Ротмистра Бѣловодскаго узналъ только отъ доктора. На вопросъ г. Дубосарскаго, не вдохновилось ли населеніе Мелитополя погромомъ въ г. Ялтѣ, предсѣдатель замѣчаетъ, что вопросъ этотъ къ дѣлу не относится, но г. Дубосарскій возражаетъ, что вліяніе Ялтинскихъ событій внесено даже въ обвинительный актъ. О похищеніи христіанскаго ребенка Танасовымъ, г. Бакаловъ отвѣтилъ, что слышалъ объ этомъ въ Геническѣ. Стрѣльба возлѣ дома Райха была не безцѣльна, имѣлось въ виду напугать публику.

Свидѣтель Протоіерей о. Василій Яновскій показалъ, что по приглашенію онъ вышелъ въ городъ и встрѣтилъ толпу около Бердянскаго моста числомъ свыше 1000 человекъ, встрѣтившую его очень приветливо. Въ тотъ день онъ намѣренно по соглашенію съ полиціей служилъ обѣдно съ цѣлью восполь-

зовать большимъ временемъ вниманіе народа Бослуженіемъ.

При собесѣдованіи съ толпою присутствовалъ и Еврейскій Раввинъ. Толпа жаловалась на несправедливость полиціи, которая, арестовывая евреевъ ейчасъ ихъ и выпускаетъ, а русскихъ задерживаетъ долгу. Ни избіеній, ни побіеній, ни даже брошеннаго камня онъ не видѣлъ. Толпа ставила условіемъ разоруженіе самообороны и, по мнѣнію свидѣтеля, если бы она разоружилась, то народъ разошелся бы. На вопросъ, не были ли причиной огрома религіозные, экономическіе и національные вопросы, свидѣтель отвѣтилъ, что онъ надъ этими вопросами не наблюдалъ, будучи занятъ служебными обязанностями. Затѣмъ свидѣтель сказалъ, что во время пріѣзда Губернатора, къ послѣднему принесли битаго мальчика. На вопросы же г. Прокурора: какъ совсѣмъ убитого?— Свидѣтель поправилъ поясненіемъ, что онъ казался убитымъ, но, какъ послѣдствіемъ выяснилось, онъ былъ только раненъ. Не замѣчалъ ли свидѣтель, какія существуютъ отношенія богатыхъ въ русскомъ обществѣ къ бѣднымъ, Протоіерей отвѣтилъ, что онъ не замѣчалъ, не наблюдалъ и не знаетъ этихъ отношеній.

Врачъ А. В. Корвацкій показалъ, что 19 апрѣля 1905 г. распространился слухъ о томъ, что евреи обложили храмъ бочками, стали на нихъ и убиваютъ въ молящихся. Слухъ этотъ получился приѣмной, которая быстро опустѣла, большие бѣжали въ городъ провѣрить слухъ, вышелъ и докторъ съ фельдшерами, они остановились у воротъ и отсюда онъ увидѣлъ, что съ Акимовской

улицы идетъ толпа въ 25 человекъ молодыхъ людей, одинаково одѣтыхъ въ черные костюмы. Толпа эта подошла къ воротамъ воинскаго управленія и среди ея онъ замѣтилъ жандармскаго ротмистра Бѣловодскаго, который видѣнъ былъ потому, что онъ стоялъ на валу. Ротмистра онъ узналъ потому, что когда жена его лежала въ палатѣ, то ее навѣщала Бѣловодскій, а иногда и почевалъ въ больницѣ. Ротмистръ что-то говорилъ толпѣ, размахивая руками, что толпа требовала, онъ не знаетъ. Черезъ нѣкоторое время толпа направилась къ кладбищу, къ ней подѣхали двѣ женщины по виду мѣщанки и свидѣтель видѣлъ, какъ онѣ разбирали какіе-то не то листки, не то платочки. Они смѣялись, ихъ обнимали и цѣловали. Изъ толпы раздавались свѣтки, на которые сбѣгалась разношерстная толпа, скоро разросшаяся до 100 человекъ. Толпа снова подошла къ воинскому управленію и ротмистръ опять говорилъ съ нею, затѣмъ толпа раздѣлилась на двѣ части, въ середину зашелъ Бѣловодскій и одинъ жандармъ. послѣ этого вся толпа двинулась къ Акимовской улицѣ; раздался выстрѣлъ. Наблюданіе заволновались и докторъ послалъ г.г. Кефала и Кошкина узнать отъ Бѣловодскаго, въ чемъ дѣло. послѣ выстрѣла показалась уже вооруженная желѣзными частями толпа, что еще болѣе взволновало свидѣтеля. Бѣловодскій показывался то въ центрѣ, то въ хвостѣ этой толпы. Г. Кошкинъ сообщилъ доктору, что на вопросъ его Бѣловодскій отвѣтилъ, что «теперь и самъ чертъ не знаетъ, что это значить». 18 апрѣля масса публики, преимущественно моло-

дежи, шла къ шелогу, мимо тюрьмы. Вскорѣ послѣ этого онъ замѣтилъ какъ-бы наблюдающаго подозрительнаго человека въ гороховомъ пальто. Докторъ пошелъ къ нему, но пальто повернуло къ полю, докторъ за нимъ. Пальто остановилось и сдѣлало доктору подъ козырекъ. Свидѣтель спросилъ, кто онъ такой и что здѣсь дѣлаетъ. Пальто отвѣтило: городской и гуляетъ, передѣтъ же по приказанію. На дальнѣйшіе-же вопросы городской отвѣтилъ, что здѣсь собирается толпа евреевъ 200 человекъ, чтобы освободить арестованныхъ. Когда докторъ отошелъ отъ городского, то замѣтилъ, что къ нему подѣхалъ повидимому офицеръ (приставъ), о чемъ-то поговорилъ, обѣхалъ тюрьму вокругъ, посадилъ городского въ фаэтонъ и они уѣхали.

Раненныхъ въ больницѣ было 8--9 человекъ. При посѣщеніи больницы губернаторомъ, докторъ сообщилъ ему о всемъ видѣнномъ и о мнимой осадѣ церкви.

Въ числѣ раненныхъ на погромѣ былъ нѣкто Бузницкій, когда его посѣтила жена, то первыми ея словами были: «вотъ не слушалъ меня, говорили тебѣ не ходи, да еще лопатку взялъ, вотъ и заработалъ». Другой раненный Каретниковъ говорилъ, что онъ былъ раненъ въ китайскую войну, а про свою рану выразился—и пуля паршивая, жидовская. Распространившіеся рассказы о вытоптанныхъ собраніемъ молодежи хлѣбныхъ крестьянскихъ полей опровергъ знакомый доктору крестьянинъ, видѣвшій мѣста сборища.

Во время посѣщеній Бѣловодскимъ больнои жены онъ выражалъ неудовольствіе на то, что

Фельдшерница была еврейка, онъ спрашивалъ, почему въ Земской больницы держатъ евреекъ фельдшерницъ и передавалъ опасенія жены на счетъ фельдшерницъ-еврейки. Этотъ случай указываетъ на антисемитизмъ жапдармскаго ротмистра Бѣловодскаго. Докторъ свидѣтельствовалъ объ отсутствіи у населенія антиеврейскаго настроенія, и если оно проявлялось, то какъ вызываемое искусственно; онъ знаетъ, что многіе крестьяне укрывали у себя евреевъ во время погрома. Все это было дѣломъ провокаціи Бѣловодскаго. Въ толпѣ шедшей въ садъ Алейникова, были евреи и русскіе, гимназистки, студенты, рабочіе, шли по товарищески, съ узелками. Молодежь воспользовалась праздниками для прогулки и прекрасной, теплой, солнечной погодой. Выстрѣловъ въ садъ Алейникова не было, онъ бы слышалъ.

Помощникъ Исправника г. Жаковскій рассказываетъ извѣстныя уже событія, разыгравшіяся на Ярмарочной площади и первый день погрома. Возлѣ реального училища его кто-то сзади ударилъ палкой по спинѣ, послѣ чего онъ, опасаясь быть убитымъ, ушелъ болѣе спокойными мѣстами къ полицейскому управленію.

На вопросъ, кто его ударилъ и почему онъ его не арестовалъ, г. Жаковскій отвѣтилъ, что не замѣтилъ, т. к. былъ ошеломленъ ударомъ, но замѣтилъ, что всѣ были рыжебородые кацаны; не арестовалъ потому, что тогда ничѣмъ не располагалъ, былъ одинъ.

Г. Дубосарскій спрашиваетъ, значить, по нашему рыжій цвѣтъ признакъ неблагонадежности?

Г. Жаковскій отвѣчаетъ, — цѣтъ!

Потомъ свидѣтель былъ на Фонтанной улицѣ съ солдатами, но такъ какъ тамъ стрѣляли въ полицію, то и онъ вынужденъ былъ дать залпъ. Въ бузнь на Воронцовской улицѣ онъ арестовалъ четырехъ человекъ, распивавшихъ бузу прямо изъ горлышекъ бутылокъ, которыя разбивали. На судѣ г. Жаковскій арестованныхъ имъ людей не узналъ и не могъ указать, что свидѣтелю поставлено было на видъ и вызвало удивленіе. Представлялась возможность ареста совершенно невинныхъ людей.

Подсудимый Селезневъ заявилъ, что арестъ произведенъ не въ бузнь, а на тротуарѣ возлѣ нея. Когда арестованныхъ привели въ полицію, то помощникъ исправника держалъ ихъ за руки, а городовые Бычковъ и Ковалевъ били по головѣ и спинѣ, отъ чего онъ, Селезневъ, боленъ до сихъ поръ и просилъ, чтобы его освидѣтельствовали врачи, т. к. тюремный докторъ кромѣ хины ничего ему не давалъ.

Второй изъ этихъ 4-хъ Болотинъ сказалъ, что они въ бузнь не буйнили, за бузу платили деньги и за что они теперь страдаютъ?

Отвѣты свидѣтеля относительно подробностей событій отличались неясностью, сбивчивостью и такой неопредѣленностью, которая лишаетъ возможности дать имъ какое-либо точное значеніе.

А. А. Рыковъ рассказываетъ, что еще до 25 марта носились слухи о готовящемся погромѣ, но онъ, зная свое населеніе, не вѣрилъ въ возможность его. Въ день же погрома 19 апрѣля онъ видѣлъ, какъ мимо его квартиры шла толпа; онъ остановилъ ее и спросилъ — куда она идетъ? Отвѣ-

тили—бить жидовъ. Черезъ часъ прошла другая толпа, свидѣтельно сказали, что это самооборона. О самооборонѣ онъ ничего не знаетъ и существовала-ли она, не слышалъ. Отношенія между евреями и русскими были добрососѣдскими. Наплывъ административныхъ волчковъ имѣлъ вліяніе на происхожденіе погрома. Перекочевали они, какъ передавалъ ему бывшій Исправникъ Смѣлковъ, изъ Александровска. Онъ рекомендовалъ Исправнику препроводить ихъ дальше, но ничего не было сдѣлано.

Приставъ Коноваловъ: 18 числа ему сказали, что возлѣ желѣзнодорожной линіи собралась толпа около 4 часовъ вечера. Она имъ замѣчена не была, о чемъ онъ и доложилъ Исправнику. Но когда онъ поѣхалъ второй разъ, то встрѣчалъ возвращающіяся группы молодежи, какъ ему показалось, состоящей изъ однихъ евреевъ. Можетъ быть были и рускіе. Урядникъ на мѣстѣ сборища нашелъ только три дощечки. Далѣе онъ говорилъ о событіяхъ въ городѣ.

Читается показаніе у судебного слѣдователя г. Исправника Смѣлкова. Въ немъ говорится, что и у него было разбито 7 оконъ и въ комнату брошенъ ломъ. Что въ февралѣ и мартѣ усиливались слухи о предстоящемъ погромѣ, при чемъ онъ получалъ много анонимныхъ писемъ, которыми его упрекаютъ то въ сношеніяхъ къ евреямъ, то къ громиламъ и т. д.

Свидѣтель Стипаніденко, рабочій изъ депо, показалъ, что по дорогѣ въ шельюгъ онъ съ товарищами встрѣчалъ группы молодыхъ евреевъ, поздравлявшихъ ихъ съ 1-мъ мая. Разговаривали о

прокламаціяхъ, которыя разбрасывались въ депо. Ненависти къ евреямъ рабочіе не питали. «Намъ бы только погулять—а наблюдать некогда».

Свидѣтель Ѳ. А. Эссенъ. Во время погрома дома не былъ, пріѣхалъ на 4-й день праздниковъ. На вопросъ, какъ онъ смотрѣлъ на самооборону—г. Эссенъ отвѣтилъ, что это, по его мнѣнію, было ребячество, просто хотѣли помѣряться силами. Работавшіе у него каменщики говорили ему: вотъ они вооруженные, а мы невооружены, посмотримъ, кто возьметъ. Объ организаціи городской охраны г. Эссенъ заявилъ, что онъ ее считалъ незаконной, а себя неспособнымъ участвовать въ самооборонѣ. Г. Дубосарскій спрашиваетъ: такимъ образомъ на взглядъ свидѣтеля грабежи, поджоги и насилія—ребячество? Г. Эссенъ отвѣчаетъ, что дѣлали это агитаторы, т.-е., тѣ, кто поджигали, а грабили—любители чужой собственности. А по поводу неспособости свидѣтеля къ самооборонѣ, свидѣтель объяснилъ, что онъ не готовъ къ этому, потому что всякое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе.

Г. Дубосарскій. Значитъ по Вашему—непротивляйся злу? Если бы васъ кто ударилъ, вы бы не противились этому злу?—г. Эссенъ. Нѣтъ, если бы меня ударили, то я отвѣчалъ бы тѣмъ и даже убилъ бы, имѣя револьверъ.

Свидѣтель Болдыревъ говорилъ, что прокламаціи русскихъ раздрожали, самооборона тоже; приказчики Литягина говорили, что не уснѣютъ получать револьверы, какъ ихъ уже разбираютъ. Этимъ они были возмущены, слышалъ будто евреи радуются

пораженіямъ русскихъ на войнѣ съ Японіей. Видѣлъ, что когда тачанка съ жандармскимъ офицеромъ подъѣхала возлѣ церкви къ жандарму, подошелъ какой-то громило, положилъ руку на эпаuletъ, что-то говорилъ, офицеръ сдѣлалъ горизонтальный жестъ и поѣхалъ дальше, а громило вернулся къ толпѣ.

Въ соборъ не пошелъ, какъ и многіе другіе подѣ угрозой слуховъ, что въ соборъ будетъ брошена бомба.

Свидѣтель В. Θ. Шитиковъ говорилъ объ общихъ явленіяхъ погрома. Не вѣря въ бомбу, онъ повелъ дѣтей въ церковь, противъ чего не были ни дѣти, ни ихъ родители. Слышалъ, какъ говорили люди, бѣжавшіе съ площади съ дубьемъ: идите по домамъ. Онъ думалъ, что по чужимъ домамъ.

Свидѣтель Аппалать. Въ виду происходящаго въ городѣ погрома, онъ стоялъ у воротъ тюрьмы, предвидя нашествіе толпы. Видѣлъ жандармскаго ротмистра Бѣловодскаго, какъ онъ подходилъ то къ одной, то къ другой толпѣ, собравшейся на площади возлѣ тюрьмы, уговаривалъ необузданную толпу вооружиться, нужно де спасти христіанъ, осажденных въ церкви. Этого слуха Аппалать не доускалъ.

Бѣсѣдуя съ Воинскомъ Начальникомъ, послѣдній ничего ему не сказавъ о требованіи толпы, чего она хотѣла, общія поговорить послѣ.

О самооборонѣ г. Аппалать отозвался, что въ ней были и рускіе, всѣ готовы были защищать городъ.

Свидѣтель І. В. Ваяцкій повторилъ все то, что уже извѣстно о ходѣ погрома, о личномъ своемъ

участіи къ успокоенію толпы, въ слухъ о бомбѣ не вѣрилъ. Въ Городской Управѣ, въ разговорѣ съ Губернаторомъ г. Черни душою погрома называлъ жандарма Бѣловодскаго. Въ самооборонѣ онъ встрѣчалъ и русскихъ и евреевъ. Между національностями вражды не замѣчалъ ни на какой почвѣ. Антиеврейскія прокламаціи производила компанія изъ 5—6 лицъ, именъ ихъ онъ не скажетъ.

Губернаторъ въ обращеніи своемъ къ еврейскому обществу, собравшемуся въ Городской Управѣ, на основаніи данныхъ ему свѣдѣній, обвинялъ евреевъ въ возникновеніи погрома. Онъ уговаривалъ приглашенныхъ воздѣйствовать на молодежь, требовалъ разоруженія, угрожая, что если они этого не сдѣлаютъ, то онъ соберетъ крестьянъ сосѣднихъ деревень, сдѣлаетъ повальный обыскъ и тогда камня на камень не останется въ Мелитополѣ.

Врачъ г. Андрузскій возлѣ лавки Малкина встрѣтилъ большую толпу народа, среди которой онъ видѣлъ рабочихъ, но не волчковъ, говорили возбужденно нужно бить жидовъ, что они враги Россіи, что за это ничего не будетъ. Изъ толпы слышались одобрительные вопросы. Въ толпѣ было много пьяныхъ. Насильственныхъ дѣйствій здѣсь не было.

Третій день.

(26 Февраля 1906 г.)

Околочный Томенко видѣлъ возлѣ дома Наяцкій толпу около 500 человекъ, среди которой были слышны возгласы «бей жидовъ». Безверхій билъ паякой калитку, а на увѣщаніе Томенко толпа

отвѣчала: убирайся вонь, мы тебя разорвемъ. Въ немъ предполагали Помощника Пристава. Безверхій же кричалъ: вотъ бью камитку, заведи въ участокъ. Та же толпа, громила будку Шюлянского и кричала: «братцы, пора въ городъ!». Между прочимъ Безверхаго онъ впоследствии видѣлъ спящимъ въ аптекѣ Райха.

Безверхій дѣлаетъ заявленіе, что околочный сердить на него за то, что онъ одинъ разъ не далъ ему вина.

Свидѣтель Ленкевичъ показалъ, что онъ о началѣ погрома узналъ отъ сына, прибѣжавшаго изъ города и т.-к. дочь его была въ гостяхъ, то пошелъ за ней.

Видѣлъ разгромъ, но не подсудимыхъ громилъ, ни лицъ самообороны не знаетъ. Послѣ допроса свидѣтеля Ленкевичъ заявилъ, что нѣкоторые вопросы прокурора къ этому свидѣтелю обязываютъ его дополнить показаніе и при этомъ сказалъ, что самооборона, какъ ее желаютъ освѣтить здѣсь, не имѣла того значенія. Не пося характера организованнаго учрежденія, она явилась естественно, какъ самозащита. Угрожающіе слухи шли еще до 25 Марта и подъ конецъ приняли такой характеръ, что потребовалось организовать со стороны Городского Самоуправленія рядъ мѣръ. Благодаря прибывшимъ войскамъ день 25 Марта прошелъ спокойно, но войска потомъ были отозваны; на просьбы къ бывшему Губернатору о возвращеніи ихъ, послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ. Продолжавшаяся же агитация со стороны провокаціи подготовила почву для событій 18 и 19 апрѣля. Антиеврей-

скія прокламаціи съ лозунгомъ: за вѣру, царя и отчество, изготовляемыя группою провокаторовъ, имена которыхъ называть теперь поздно и извѣстнаго направленія газеты возымѣли свое дѣйствіе на ту часть населенія, которую, къ стыду русскаго имени, называютъ русскимъ народомъ.

На вопросы о дѣятельности жандармскаго ротмистра Бѣловодскаго Ленкевичъ отвѣтилъ, что онъ о немъ знаетъ только по слухамъ, кромѣ того момента, когда г. Черни сдѣлалъ лично заявленіе Губернатору Трѣпову въ Городской Управъ, при чемъ на вопросъ г. Трѣпова: знаетъ ли онъ, Черни, о тяжести ответственности, если заявленіе его не утвердится, г. Черни отвѣтилъ утвердительно. На вопросъ гражд. истца г. Гиллерсона Ленкевичъ отвѣтилъ, что ни Бѣловодскій, ни Черни суду не преданы и находятся на своихъ мѣстахъ.

Отношенія христіанскаго и еврейскаго населенія между собою были нормальны и безъ провокаціи погрома не было бы. Дальнѣйшая исторія освободительнаго движенія показала, что темныя массы подъ извѣстными влияніями направили потомъ свои удары на интеллигенцію, учащихся и студентовъ.

Г. Шитиковъ говорилъ, что онъ увѣщевалъ бушующую толпу, видѣлъ солдата (Ляшко), несшаго зонтикъ и ленты съ погрома. Самооборона насильственныхъ дѣйствій не производила, въ составѣ ея были и русскіе.

Городовой Ялоза показалъ, что въ шелюгѣ, гдѣ собиралась молодежь, нашель двѣ карточки съ красными ленточками и подписями: поздравляемъ съ

1-мъ Мая. Здоръ говорилъ ему, что Безверхій, котораго называютъ Мошкой, владѣетъ еврейской рѣчью, и въ то время, какъ онъ на Ярморочной площади, возлѣ карусели, призывалъ толпу къ избіенію евреевъ, онъ въ это-же время разбрасывалъ антиправительственныя прокламаціи.

Поручикъ Карагозянъ, рассказывая о ходѣ погрома, заявилъ, что ему двое штатскихъ доставили солдата Ляшко, у котораго были винтовка, зонтикъ и кружева. Послѣ второго рожка, изъ самообороны вышелъ прапорщикъ запаса Донцовъ, котораго онъ просилъ повліять на товарищей и они разошлись. Прапорщика Донцова знаетъ потому, что онъ служилъ въ ихъ полку.

Свидѣтель Здоръ (сторожъ арестнаго дома) показалъ, что Бѣловодскій вызвалъ къ себѣ и спрашивалъ его: «скажи, голубчикъ, какія я говорилъ рѣчи, не казалось-ли тебѣ мое поведеніе страннымъ, ты знаешь, меня хотятъ привлечь къ суду».

Читается показаніе воинскаго начальника ЯХОНТОВА, не явившагося въ судъ по болѣзни. Изъ показанія видно, что Яхонтовъ замѣчалъ толпы молодежи русской и еврейской, шедшей въ поле съ красными ленточками. Исправникъ просилъ его дать солдатъ, чтобы предотвратить демонстрацію. Въ 7 часовъ вечера того-же 18 апрѣля исправникъ вновь просилъ солдатъ, т. к. на Ярморочной площади возникли безпорядки.

19 апрѣля ему доставили рядового Ляшко, находящагося въ этапномъ отрядѣ, съ вещами. Оружія у него Бѣловодскій не просилъ, одну толпу онъ просилъ разойтись, что она и исполни-

ла, а другую толпу онъ видѣлъ вмѣстѣ съ Бѣловодскимъ. Ему говорили, что Бѣловодскій ходилъ на заводъ Либермана.

Защитникъ погромщиковъ прис. повѣр. г. Мурзаевъ внесъ слѣдующее заявленіе. Судебное слѣдствіе въ лицѣ свидѣтелей—мѣстныхъ учителей, компетентныхъ въ предметъ ихъ показаній, категорически установили тотъ фактъ, что никакой розни со стороны коренного или пришлага населенія къ евреямъ, на почвѣ ли религіозной, или племенной, или экономической ни до погрома, ни послѣ него не замѣчалось. Не замѣчалось въ средѣ простого народа и затаеннаго истиннаго нерасположенія или застарѣлаго предразсудка, которые могли бы служить почвой для возникновенія такихъ острыхъ проявленій насилія. Напротивъ, всѣ житейскія отношенія и другія данныя по своему содержанию таковы, что многіе отрицаютъ возможность погрома.

Установленная по дѣлу кратковременность настроенія толпы къ евреямъ и острота проявленія насилія, вселяютъ полное убѣжденіе въ искусственномъ внушеніи такого настроенія. Дѣйствительно, указывалось уже здѣсь на подобное преступное подстрекательство толпы къ насиліямъ въ самомъ началѣ погрома со стороны городского Азаренко, преданнаго уже суду. Теперь выясняется такая-же агитаціонная дѣятельность со стороны жандармскаго ротмистра Бѣловодскаго. Выясненіе характера формы этой агитаціи, а также значеніе ея въ дѣлѣ погрома имѣетъ существенное важное значеніе для разсматриваемаго дѣла и судьбы подзащитныхъ,

т. к. въ виду установленія отсутствія какой либо розни между національностями, поводы, мотивы и цѣли погрома должны опредѣлиться совершенно иными, чѣмъ мотивы, висесенные въ обвинительный актъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ должна измѣниться и юридическая квалификація того дѣянія, которое имъ приписывается. Съ другой стороны свидѣтель Валицкій показалъ намъ, что жандармскій полковникъ Загоскинъ предложилъ г. Черни изложить письменно свое показаніе о Бѣловодскомъ, сказавъ при немъ, Валицкомъ, такъ: «пишите, какъ хотите, все равно это показаніе далѣе моей канцеляріи не пойдетъ», а самъ прокуроръ заявилъ, что о дѣятельности Бѣловодскаго сообщено его начальству. На основаніи всего приведеннаго и существенной важности надлежащаго выясненія дѣятельности и роли Бѣловодскаго въ ходѣ и результатѣ настоящаго дѣла для подсудимыхъ, г. Мурзаевъ просилъ Палату производство этого дѣла пріостановить и обратить его къ дослѣдованію въ отношеніи Бѣловодскаго, тѣмъ болѣе, что, какъ сказано, о немъ уже возбуждены слѣдственные производства и желательно все ихъ соединить въ одномъ настоящемъ производствѣ.

Защитникъ обвиняемыхъ въ самооборонѣ г. Дубосарскій сказалъ, что онъ вполне присоединяется къ ходатайству г. Мурзаева. Будучи защитникомъ молодежи, обвиняемой въ незаконной оборонѣ, г. Дубосарскій также желаетъ выяснить, противъ какой злой силы оборонялись эти люди. Онъ думаетъ, что обладаніе жандармскимъ спортукомъ не спасетъ его отъ судебного преслѣдованія послѣ

всего, установленнаго на судѣ. Стыдно сказать, администрація и жандармское вѣдомство сочли возможнымъ производить разслѣдованіе, хотя и братское надъ заподозрѣннымъ ротмистромъ Бѣловодскимъ, а компетентное судебное вѣдомство не сказало еще ни слѣдственнаго, ни судебного слова. Бѣловодскій уличается по всеѣмъ признакамъ 269¹ ст. ул. о наказ., какъ участникъ и подстрекатель къ погрому и это обстоятельство является для Палаты новымъ, благодаря, быть можетъ, излишней осторожности, проводящихъ виды правительства, прокуроровъ, должно побудить Палату приложить всю силу къ выясненію не только фактическихъ, но и интеллектуальныхъ дѣятелей погрома.

Что касается формальной стороны вопроса, то мы имѣемъ лишь право заявить о новомъ обстоятельстве и надѣемся, что гражданскій истецъ и обвинитель согласится съ тѣмъ, что ст. 734 Уст. Уг. Суд. не встрѣчаетъ въ фактической сторонѣ настоящаго дѣла никакихъ помѣхъ и инт. защитники, возбуждая на этомъ основаніи ходатайство объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію. Палата не дастъ, понятно, своего покровительства жандармскому офицеру, ибо гдѣ, какъ не здѣсь, все одинаково равно передъ карательнымъ закономъ.

Засѣданія 27-го Февраля — 2-го Марта.

Г. Шаширо заявилъ, что правду нельзя рвать на части. Въ обвинительный актъ занесено все слѣдствие за исключеніемъ показаній о Бѣловодскомъ и власть не остановилась не передъ какими обстоятель-

ствами и посадила на скамью подсуд. лицъ, шедшихъ на защиту матерей, женъ и дѣтей. Для полицейскихъ властей всякій мундиръ есть начальство и они стараются передъ нимъ. Защита второй группы подсудимыхъ будетъ ихъ защищать и они будутъ свободны отъ суда, въ этомъ обвиненія не можетъ быть и защита проситъ Палату особенно обсудить этотъ вопросъ.

Гражданскій истецъ, Прис. Повѣр. Г. Гиллерсонъ, соглашаясь съ товарищами—защитниками говорить о томъ, чтобы никто изъ виноватыхъ не ушелъ отъ суда, это важно. Исходя изъ этого положенія, г. Гиллерсонъ утверждаетъ, что о Бѣловодскомъ подтверждаетъ г. Анпалатъ, свидѣтель же Яхонтовъ участіе Бѣловодскаго не подтверждаетъ и по болѣзни не явился, а т. к. показаніе его противорѣчитъ показанію г. Анпалата, то г. Гиллерсонъ проситъ Палату устроить имъ очную ставку.

Прокуроръ возражаетъ противъ обращенія дѣла къ дослѣдованію, находя, что дѣйствія Бѣловодскаго были только безтактны, за что онъ и потерялъ отъ своего начальства, потерявъ должность. Судебная власть въ этомъ дѣлѣ безсильна и все возможное съ ея стороны было исчерпано.

г. Шаширо возражаетъ, указывая на то, что Бѣловодскій Судебнымъ Слѣдователемъ даже не былъ допрошенъ.

г. Дубоссарскій извиняется передъ г. Прокуроромъ за свое заблужденіе. Ему казалось, что око правосудія заинтересовалось раскрытіемъ истины и если здѣсь—продолжаетъ защитникъ—съ кафедры государственнаго обвинителя раздалось ужасное сло-

во: намъ итъ дѣла до жандармскаго ротмистра Бѣловодскаго—пусть имъ займется его начальство, то защита выравъ сказать прокурору, что въ его возраженіи итъ ничего правосуднаго. Оно должно остаться на совѣсти прокурора; если прокуратура безсильна въ защитѣ интересовъ права предъ жандармскимъ вѣдомствомъ, то вѣдь нельзя забывать, что есть еще Сенатъ, куда можно обратиться съ ходатайствомъ о преданіи суду должностныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, Палата не должна смущаться отказомъ г. Прокурора отъ дослѣдованія дѣла. Противная сторона—Гражданскій Истецъ возбудитъ въ этомъ смыслѣ ходатайство и судьи имѣютъ достаточныя основанія для обсужденія его. По существу же дослѣдованіе должно быть осуществлено. Вражда національная не установлена, провокація должностнаго лица установлена государственнымъ чиновникомъ, тюремнымъ сторожомъ, смотрителемъ г. Аппалатомъ и выводъ лсень—судебное засѣданіе должно-быть прекращено, покуда въ первыхъ рядахъ подсудимыхъ не появится новая блестящая фигура.

Особое Присутствіе Палаты въ дослѣдованіи Гражданскаго Истца и защитниковъ о дослѣдованіи дѣла привлеченіемъ въ качествѣ обвиняемаго Бѣловодскаго отказывается.

Далѣе идетъ длинный рядъ свидѣтелей, очерчивающихъ движеніе погрома, участниковъ его, отдѣльных лицъ и непосредственныхъ участіе обвиняемыхъ въ разныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ. Отмѣтимъ лишь отдѣльныя показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей. г. Жамгоцовъ говоритъ, что били стекла не только у евреевъ, но и у русскихъ, какъ, напр., въ домѣ

б. Исправника Смѣлкова, который просилъ свидѣтеля позволить его дочерямъ быть во время погрома у Жамгоцова и предлагалъ вмѣстѣ защищаться.

г. Кошкинъ видѣлъ толпу крестьянъ с. Песчаного, шедшую въ городъ съ дубинами и среди нихъ одного съ топоромъ, слышалъ возгласы: вѣдь православныхъ бьютъ, а мы будемъ молчать, пойдемъ громить. Настроение толпы было шутливое, говорили мошку нужно побить немножко, нужно достать револьверы. г. Кошкинъ уговаривалъ толпу. Изъ той толпы, въ которой былъ Бѣловодскій слышалъ выстрѣлы, которые свидѣтель принялъ за сигналы.

Кульминационной точкой судебного слѣдствія было показаніе какого-то духовнаго гермофродита, явившагося въ женскомъ платьѣ съ мужскимъ именемъ.

По обвинительному акту, въ которомъ это загадочное существо заняло доминирующее положеніе для обвиненія евреевъ и собранія въ саду г. Алейникова, имя его женское — Воинова. На судѣ же свидѣтель или свидѣтельница упорно называетъ себя Евгеніемъ Трофимовичемъ Воиновымъ, унтеръ-офицеромъ и кавалеромъ медали за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и въ Севастопольской войнѣ. На вопросы сторопъ женская мужчина настойчиво утверждала, что она мужчина, что ей въ свое время, именно 70 лѣтъ тому назадъ, когда ей было всего 15 лѣтъ, не мѣшало родить перваго сына Петра или Павла, воспріемникомъ котораго былъ генераль Скобелевъ, въ то время уже главнокомандующій. Сама же она дочь Шамиля. Второго сына эта мужская женщина родила на Кавказѣ и воспріемникомъ его былъ извѣстный

генераль Драгомировъ. На предварительномъ слѣдствіи Воинова утвердительно говорила, что она видѣла, какъ въ саду г. Алейникова евреи стрѣляли въ портретъ Государя, носили красные флаги и свергали самодержавіе. На судѣ же ничего этого подтвердить не могла и показаніе свое сводила на то, что она слѣпая и, что ей казалось и что она предполагала. Все это на слушателей производило впечатлѣніе бреда. Навязывался вопросъ, какимъ образомъ человекъ съ несомнѣнно нарушенной психикой могъ не только попасть въ свидѣтели, но и на показаніи его построить тяжкое и позорное для евреевъ обвиненіе.

Выслушавъ съ величайшимъ изумленіемъ дочь Шамиля, современницу славныхъ генераловъ Скобелева и Драгомирова, присяжный повѣренный г. Гиллерсонъ заявилъ Палатѣ, что использование прокурорской властью свидѣтеля, невмѣяемаго за свои дѣйствія, для обвиненія и опозоренія евреевъ, вызываетъ въ немъ не только чувства изумленія, но и крайняго негодованія.

Г. Прокуроръ посѣшилъ отречься отъ солидарности съ этимъ свидѣтелемъ.

Обращаетъ также на себя вниманіе показаніе свидѣтеля И. Галинскаго, участіемъ въ оговорѣ подсудимыхъ городовымъ Мойсакомъ, воспользовавшимся праздничнымъ настроеніемъ этого еще молодого человека. Въ Палатѣ онъ отрекся отъ показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, въ коемъ онъ категорически называлъ имена обвиняемыхъ: Африна, Сирицкаго, Турецкаго и Когана, здѣсь онъ не назвалъ ни одного имени, ссылаясь

на запам'ятованіє давнишніхъ событій и только послѣ прочтенія показанія, даннаго у судебного слѣдователя и настойчивыхъ перекрестныхъ вопросовъ свидѣтель сказалъ, что имена Сирипкаго, Аффрина, Когана и Турецкаго онъ назвалъ по указанію городского Мойсакъ, въ дѣйствительности же онъ и тогда ихъ не зналъ.

Сирошенный по этому поводу Мойсакъ отъ всякаго участія въ показаніи Галинскаго отказался.

Свидѣтель Клецкинъ въ показаніи своемъ о разгромѣ его имущества по Фонтанной улицѣ привелъ моментъ, какъ исправникъ, когда Клецкинъ просилъ у него защиты и помощи, плюнулъ ему въ лицо.

Прочитанное на судѣ показаніе А. Барсука.

Я, Авраамъ Ильичъ Барсукъ, домашній учитель, 52 лѣтъ, православный, живу въ Мелитополѣ временно въ домѣ Лосьева, а постоянно въ Кишиневѣ.

Я пріѣхалъ въ г. Мелитополь 16 марта с/г. и остановился въ номерахъ Драпкина по Вокзальной улицѣ. Еще задолго до Пасхи появлялись прокламаціи съ грозными фразами: «бей жидовъ—царь спасибо скажетъ», были и контрпрокламаціи социаль-демократическаго содержанія—съ воззваніемъ къ рабочему люду, что-де полиція натравляетъ одну народность на другую. Мнѣніе мѣстнаго общества, какъ водится, раздробилось: одни утверждали, что погромъ непременно будетъ, другіе отрицали, а третьи оставались безучастными къ грядущимъ со-

бытіямъ. Народная молва и, такъ называемые, ходячія газеты назначили днемъ погрома на Благовѣщеніе (25 марта). Когда же роковой день прошелъ благополучно, то неизбежное событіе (погромъ) перенесли на Пасху. Понятно, общество, переживши угрожавшій ему день, уже съ недоверіемъ отнеслось ко всѣмъ циркулировавшимъ слухамъ и сплетнямъ и болѣе или менѣе успокоилось. Между тѣмъ прокламаціи повторялись съ обѣихъ сторонъ въ томъ же духѣ. Таковы приблизительно тѣ событія и настроенія мѣстныхъ жителей, которыя предшествовали погрому. 18 апрѣля солнце только что закатилось и наступили сумерки; я сидѣлъ въ то время одинъ въ номерѣ и читалъ газету. Услыхавъ необыкновенный топотъ, стукъ и бѣготню по корридору, я открылъ дверь своего номера и увидѣлъ, какъ всѣ гости и квартиранты сѣлись, суетились, толкая другъ друга и торопливо выносили свои вещи и укладывали на извозчиковъ. На мои вопросы о причинѣ ихъ бѣгства, они нугливо отвѣчали: «погромъ, погромъ». Вся эта минутная суматоха произошла такъ скоро, что не успѣлъ оглянуться, какъ я уже стоялъ одинъ среди корридора. Я сталъ звать прислугу, но на мой зовъ никто не откликнулся. Я обошелъ всѣ помѣщенія, но ни хозяина, ни его дѣтей, ни прислугъ не было, тогда я вышелъ на крыльцо, выходящее на Вокзальную улицу, о которую опирается Воронцовская; въ этомъ треугольникѣ беречь начало и Федоровская улица. Въ это самое время по Воронцовской улицѣ, мчались во всю прыть извозчики, линейки, дрогаи, женщины, мужчины и дѣ-

ти; шумъ, грохотъ, клики, вопли, хлопанье калитокъ, воротъ, дверей. Изъ всего этого образовался такой страшный хаосъ, что, казалось, будто бѣгутъ, вопіють не эти живыя существа, а улица съ домами; все это, смѣшавшись въ кучу, какой-то грозной массой двинулось на меня. Не смотря, однако, на весь этотъ ужасъ, я твердо владѣлъ собой и сознавалъ, что отсутствие хозяина и его домашнихъ налагаетъ на меня нравственную обязанность стеречь домъ и я остался на своемъ посту. Спусти 15—20 минутъ, вдоль обѣихъ улицъ Воронцовской и Вокзальной, царила мертвая тишина. Съ Базарной площади доносились удары, какъ-бы отъ молотка, трескъ и паденіе, производившіе удручающее впечатлѣніе. Пришелъ хозяинъ номеровъ, гдѣ я остановился, помѣстивъ своихъ дѣтей и прислугу въ русской семьѣ. Я оставилъ его, направился по Воронцовской и Торговой улицъ и остановился на углу Александро-Невской, взявъ зданія Уѣзднаго Сѣзда. Здѣсь мимо меня въ безпорядкѣ бѣгали, шныряли подростки, волчки, босяки, направляясь къ корпусамъ городскихъ лавокъ, производя шумъ и крикъ. Я простоялъ нѣсколько минутъ и тѣмъ же путемъ возвратился въ квартиру. На всемъ пройденномъ мною разстояніи въ оба конца я нигдѣ не замѣтилъ ни городскихъ, ни полицейскаго чиновника. Часамъ къ 10 того-же вечера я опять пошелъ въ городъ и, услыхавъ частые выстрѣлы, несшися отъ Соборной площади, направился туда.

Вся Соборная площадь была совершенно пуста и всѣ магазины были наглухо закрыты. Тишина

нарушалась неистовыми криками толпы, громившей корпуса городскихъ лавокъ. Мимо меня проѣхалъ на извозчикѣ какой-то полицейскій чиновникъ, но, замѣтивъ у соборной ограды толпу въ 50—60 человекъ, только что подошедшую, повернулъ влѣво, въ объѣздъ таковой. Толпа стояла отъ меня шагахъ въ 50—60 и тихо переговаривалась. Вдругъ раздалось: «ура», и вся толпа свирѣпымъ шкваломъ понеслась на магазины, но встрѣченная револьверными выстрѣлами, отхлынула обратно къ церковной оградѣ—внѣ выстрѣловъ. Я всматривался въ двери, окна, крыши домовъ и магазиновъ, но ни отверстій, ни людей не видѣлъ. Изъ толпы, стоявшей около соборной ограды, выдѣлялся какой-то парень и подошелъ ко мнѣ; этотъ парень страшно возмущался «жидовской дерзостью», рвался въ бой и приглашалъ меня съ собой. При мнѣ были три атаки на тѣ же магазины той же толпой и каждый разъ были отбиваемы невидимыми защитниками.

Я сперва удивлялся; стрѣльба приходилась чуть-ли не въ упоръ, а между тѣмъ не было ни убитыхъ, ни раненныхъ, изъ чего я заключилъ, что защитники стрѣляютъ въ воздухъ. Мой случайный коллега опять сталъ наставлять, чтобы не терять даромъ времени и, какъ русскіе, присоединиться къ «нашимъ». Меня страшнымъ образомъ возмущали его предложенія и сужденія и я сказалъ ему: «неужели тебя съизмала не учили ничему человѣческому, или у тебя умъ за разумъ зашелъ? Какъ это я пойду въ помощь злодѣямъ, которые открыто нападаютъ на ни въ чемъ неповин-

ныхъ людей?»). «Отчего же жида стрѣляютъ?», возразилъ онъ. — «Наши нападаютъ, хотятъ грабить, убивать и жида, находясь въ осадномъ положеніи, защищаются, — явленіе естественное».

Послѣ этого мы разстались. Придя на квартиру къ себѣ, я подаль мысль жильцамъ дома о самооборонѣ — это былъ единственный исходъ, такъ какъ ни полиціи, ни войска не было. Ко мнѣ присоединился русскій старикъ; мы воодушевили евреевъ сосѣднихъ домовъ; вооружились палками, нѣкоторые имѣли револьверы, я взялъ желѣзные вилы и объяснилъ всѣмъ членамъ самообороны, что мы имѣемъ право только защищаться и то въ тѣхъ случаяхъ, когда опасность очевидна; наступать же мы не должны ни въ какомъ случаѣ, да оно не имѣло для насъ никакого смысла. Мы, человекъ 40—50, заняли оба угла Воронцовой улицы, оберегая, главнымъ образомъ, кучи камней, сложенныхъ для замощенія Федоровской улицы. Было уже около 11 час. ночи. Въ это время мы впервые замѣтили зарево отъ горѣвшихъ городскихъ и прочихъ лавокъ; въ это время подошли къ намъ молодые люди, которые также организовались въ кружки самообороны. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли револьверы, а нѣкоторымъ мы дали палки. Они ушли отъ насъ и заняли уголь Воронцовой и Торговой улицъ; другая партія заняла уголь Торговой и Александро-Невской, — а третья дефилировала по городу. Всей обороны кромѣ нашей партіи было человекъ около 200, среди которыхъ было около 50 русскихъ, 5—6 караймовъ, столько-же татаръ, а всѣ осталь-

ные еврейская молодежь, кромѣ того съ нами были армяне и турки. Около полуночи началось первое наступленіе на нашу позицію. Толпа двинулась отъ угла Рыбной и Ал.—Невской улицъ. Электрическій фонарь потухъ, или его разбили, такъ что нельзя было разсмотрѣть численность во тьмѣ и вооруженіе этой толпы; судя, однако, по ея выстрѣламъ у нея не было много револьверовъ. Они дали ей подойти ближе и бросились на нее. Толпа подалась назадъ, мы преслѣдовали ее до Рыбного базара, гдѣ остановились изъ боязни попасть въ темнотѣ въ засаду. Первая удача ободрила насъ. Не прошло и часа времени, какъ наступленіе повторилось и на этотъ разъ съ большою дерзостью, но какъ разъ въ это время подошла самооборона съ Воронцовой улицы и мы опять отразили нападеніе. Въ самый разгаръ стрѣлбы въ шагахъ нѣсколькихъ отъ себя я услышалъ стонъ раненныхъ; потомъ лишь сказали, что нашихъ ранено нѣсколько человекъ. Дѣйствительно русскаго старика, который все время держался возлѣ насъ, не было, должно быть его ранили и онъ удалился. Кто онъ такой, я не знаю, но узналъ бы его легко. Намъ дали знать, что по Фонташной улицѣ громятъ дома и мы отправились туда. По пути, на рыбномъ базарѣ, и выше были уже разбиты и разграблены лавочки: двери, окна поломаны, коробки, ящики, табакъ, ситцы и проч. товары валялись на улицѣ. Людей нигдѣ ни души. Мы двинулись дальше. Вдругъ раздались молодецкіе посвисты и зычены голоса: «сюда братцы».

Мы пошли на зовъ. Нѣкоторые изъ нашихъ удачно подражали звавшимъ,

такими же возгласами, что, молъ, идемъ. Пройдя меньше полуквартала, мы встрѣтили человѣкъ 10 мужчинъ и двухъ бабъ. Они сразу смекнули, что попались, но мы не трогали ихъ и отпустили. Отошедши отъ нихъ на нѣсколько шаговъ, они стали грозить и швырять въ насъ камни, но мы ихъ прогнали. По дорогѣ впередъ мы наткнулись на разные обломки, какъ-бы отъ разрушенныхъ баррикадъ, въ дѣйствительности же валялись: изломанныя въ щепки мебель, изорванныя въ лохотки вещи, въ дребезги разломанная домашняя утварь. Все это было покрыто пухомъ, какъ снѣжной порошей. Больше всѣхъ пострадала эта улица, какъ загородная, гдѣ самооборона отсутствовала. Порча вещей, разрушеніе и уничтоженіе не поддаются описанію. Возвратившись къ себѣ домой, я присѣлъ на ступенькѣ крыльца. Ночь была ужасная: отовсюду раздавались выстрѣлы, крики, вопли, повальное бѣгство изъ домовъ, но украдкой, зажимая рты дѣтишкамъ, чтобы не могли пискнуть. Все оставлялось на произволь судьбы и столь-же произвольно расхищалось. На другой день часовъ въ 10 утра съ рыбнаго базара двинулась на насъ толпа, стрѣляя, шумя и крича, но и на этотъ разъ мы отразили непріятеля. Преслѣдуя по Фонтанной улицѣ, мы очутились лицомъ къ лицу съ нимъ, и тутъ пошла общая перепалка. Одинъ изъ толпы высокій, черный мужчина, похожій на цыгана, стрѣлялъ изъ ружья на разстояніи 30—40 сажень; отстрѣливаясь, обѣ стороны разошлись. Послѣ этого толпа опять стала собираться на углу Рыбной и Александро-Невской улицы, она постепенно увеличивалась и вскорѣ достигла до 300

человѣкъ, вооруженныхъ револьверами, дрекольями, топорами вилами, одинъ имѣлъ ружье, кажется тотъ самый, что стрѣлялъ на Фонтанной улицѣ. Численное превосходство толпы, сильное вооруженіе и угрозы, удручающимъ образомъ повліяли на самооборону.

И въ такомъ напряженномъ состояніи мы стояли лицомъ къ лицу съ непріателемъ болѣе часу. Это была тяжелый роковой часъ. Въ 12 часовъ открылась монополія; порядкомъ выпивши, непріятель бросился съ яростью и оглушающими криками на насъ, стрѣляя и бросая камни. Самооборона дрогнула и постыдно разбѣжалась, прячась во внутрь дворовъ. На позиціи осталось всего четыре человѣка: Сиришкій, Цадкинъ, Афринъ и я (именъ ихъ я не знаю, всѣ они живутъ въ домѣ Сиришкаго на Вокзальной улицѣ). Я стоялъ ближе къ тротуару, вооруженный вилами. Доблестные товарищи, оставшіеся вѣрными гражданскому долгу, подъ жужжаніемъ револьверныхъ и ружейныхъ пуль, твердо стояли среди улины и отвѣчали выстрѣлами изъ револьверовъ. Удивительно, толпа вмѣстѣ отрезвилась: она инстинктивно постигла, что тутъ пахнетъ силой, что эти трое смятутъ костью, но не отступать. Пробѣжавши три четверти квартала, толпа, отстрѣливаясь, отошла назадъ къ монополіи. Этимъ геройскимъ подвигомъ заканчивается дѣятельность самообороны нашей позиціи. До этого времени мы полиціи не видѣли. Городовые порой выползали со дворовъ, но ни словомъ, ни дѣломъ не перечили намъ. На одного городского вслѣдъ монополіи напала толпа, швыряя въ него камнями, онъ еле

удраль къ намъ и тугъ былъ въ полной безопасности.

Но какъ только, полиція узнала, что уже были войска и идутъ со станціи въ городъ, она явилась на нашу позицію съ нижними чинами и заодно съ разъяренною толпою стала разоружать самооборону. У воротъ дома Сирицкаго произошла рукопашная схватка: сынъ содержателя гостиницы (Кіевской) Галинскій, крикнувъ: «рѣзать жидовъ,» бросился съ толпою къ воротамъ двора Сирицкаго, гдѣ было около 200 еврейскихъ женщинъ и дѣтей, спрятавшихся отъ безпорядковъ. Сынъ Галинскаго, котораго я могу всегда узнать, вмѣстѣ съ толпою успѣлъ все таки протиснуться сажня на полторы въ глубь двора, но въ это время какой то еврейскій мальчикъ брызнулъ изъ пузырька какой то жидкостью въ лицо Галинскому, Африну или Цадкину тоже. Одинъ изъ послѣднихъ сильно ударилъ Галинскаго по лицу и онъ, Галинскій, закрутился и выскочилъ со двора, а за нимъ и толпа.

Такимъ образомъ и ворота отстояли тѣже три героя: Сирицкій, Афринъ и Цадкинъ. Въ часъ дня Вице-Губернаторъ и Прокуроръ, въ сопровожденіи роты солдатъ, торжественно въѣхали въ городъ, остановились у воротъ моей квартиры, первымъ дѣломъ было повелѣно разогнать остатки самообороны, что и было исполнено полиціей, толпа же громилъ осталась на мѣстѣ.

Войска ушли, и эта часть города, до сихъ поръ еще уцѣлѣвшая, оставалась безъ всякой защиты. Теперь только, съ прибытіемъ войска начался настоящій погромъ. Толпа стала разбивать окна, двери, ломаться во дворы, дома, лавки, даже оконъ

бывшаго исправника Смѣлкова не пощадилъ.

Я схватилъ вилы и сталъ у воротъ—внутри двора; внѣ шла ужасная перестрѣлка. Сквозь щели у воротъ я увидѣлъ лежащаго у воротъ дома Лосева человѣка.

Я открылъ калитку и вышелъ со двора, чтобы осмотрѣть этого человѣка, но какъ только я спустился внѣ двора, женщина захлопнула калитку и я уже не могъ зайти снова во дворъ. Какой то молодой парень бросился ко мнѣ съ кинжаломъ, но я отеранилъ его отъ себя. У дома Жамгоцова у нашихъ воротъ происходило въ это время нѣчто ужасное: стрѣльба шла со всѣхъ сторонъ и куда попало. Стрѣляли громилы, солдаты, подоспѣвшіе сюда и изъ публики. Вся и все переполошилось, кричали, кружились, какъ угорѣлыя. Пуля обожгла мнѣ правое ухо, опалила волосы чуть выше уха. Лежавшій у воротъ человѣкъ оказался тяжело раненымъ. Я счелъ необходимымъ изъять его изъ глазъ разсвирѣпѣвшей толпы. Молодой человѣкъ, имѣвши при себѣ кинжалъ и желѣзный пруть, помогъ мнѣ усадить раненаго на извозчика и мы направились въ еврейскую больницу.

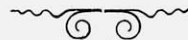
Какъ разъ въ это время разбивали турецкую пекарню въ д. Жамгоцова. Я сидя уже на дрожкахъ видѣлъ, какъ высокаго роста человѣкъ, рыжій, съ небольшой но окладистой бородой, стриженный подъ скобку, длиннымъ желѣзнымъ прутьемъ разбивалъ окна и двери въ турецкой пекарнѣ. Въ предъявленномъ Вами человѣкѣ Денисъ Козевинъ я точно узналъ того самаго человѣка, который разбивалъ турецкую пекарню. Проѣхавъ по Оедоровской

улицѣ, нѣсколько въ сторону къ правому тротуару, распластавшись лежалъ отрокъ лѣтъ 14—15. Я считалъ его убитымъ на повалѣ, но впоследствии оказалось, что онъ только тяжело раненъ. Я и молодой человекъ увели раненнаго, лежавшаго около моей квартиры въ больницу, гдѣ оказалось, что у этого раненнаго застряла въ спинѣ пуля чуть ниже праваго предплечья. Раненнаго кажется зовутъ Марко Бѣлингъ или Биликъ. Я возвратился на квартиру уже въ три часа пополудни. Все было разбито, разрушено, видъ этого разрушенія производилъ ужасное впечатлѣніе. 20 апрѣля, на другой день, жизнь опять стала входить въ свою колею. Чтобы обвинить евреевъ въ томъ, что они своимъ поведеніемъ вызвали погромъ, надо завѣдомо извращать факты и имѣть самое превратное представленіе о нихъ. Кто не знаетъ, что еврей народъ мирный, трезвый? Правда въ его средѣ есть бѣдняки, нищія, даже социаль-демократы, но гдѣ хулигановъ, босой команды, воячекъ, которые, опьянѣвши, могли-бы броситься въ пропасть буйнаго разгула. Это обстоятельство, понятно, нисколько не исключало возможности единичныхъ, неприличныхъ или даже дерзкихъ выходокъ, но нельзя же единичными случаями измѣрять благопристойность цѣлага народа. Дѣйствительная же причина погрома это то дурное настроеніе, которое охватило все наше отечество и никакихъ иныхъ причинъ печего искать. Для полной характеристики погрома я обращаю вниманіе еще на одно важное явленіе. 20 апрѣля (во 2-й день послѣ погрома) около 11 часовъ утра, на углу Воронцовской и Вокзальной улицъ собра-

лись вчерашніе громилы и ихъ противники—самооборонцы. Образовалось гдѣто вродѣ древне-русскаго вѣча. Всѣ были совершенно спокойны, грызли семечки, дѣлились ими и вели пріятельскую бесѣду. Тутъ были и раненные обоихъ лагерей, пестря свои бѣлыми перевязками на черномъ фонѣ толпы. Ни злобы, ни ненависти, ни злопамятства не замѣчалась, ни въ ихъ лицахъ, ни въ рѣчахъ. Громилы только упрекали самооборонцевъ, что они своей стрѣльбой помѣшали имъ похозяйничать на проспектѣ (базарныя лавки) и уже поневолѣ они разрушали лавки бѣдняковъ. Самооборонцы же оправдывались тѣмъ, что не знали ихъ намѣреній. Принималъ ли участіе въ погромѣ тотъ молодой человекъ, который бросился на меня съ кинжаломъ у воротъ моей квартиры, я не знаю, но онъ находился въ толпѣ нападающихъ. Другой же молодой человекъ, который велъ со мною раненнаго, также имѣлъ при себѣ кинжалъ и желѣзный прутъ.

Допросъ остальныхъ свидѣтелей закончился вечеромъ 2 марта.

Г. Предсѣдатель заявилъ, что въ виду сложности дѣла и богатства добытаго судебнымъ слѣдствіемъ матеріала, ориентироваться въ которомъ требуется времени, пренія сторонъ откладываетъ до утра слѣдующаго дня—3 марта.

3 марта 1906 г.

Пренія еторонъ.

Прокуроръ. Г.г. судьи, г.г. сословные представители! Богатый матеріалъ, данный судебнымъ слѣдствіемъ, вынуждаетъ меня быть краткимъ. Я нахожу, что погромъ былъ направленъ исключительно противъ евреевъ. Толпа, начавшая безчинствовать еще у дома Наеръ, уже кричала: «пойдемъ бить евреевъ»!

Остановимся только на причинахъ погрома. И въ Россіи и за границей существуетъ антисемитизмъ. Чѣмъ дальше онъ идетъ вглубь и проникаетъ въ слои народа, тѣмъ менѣе культурныя формы онъ принимаетъ. Я не скажу, что наша крестьянская масса заражена анти-еврейскимъ духомъ; антисемитизмъ же въ скрытой формѣ въ простонародіи существуетъ. Даже не выражаясь активно онъ все-таки находится въ настроеніи массъ.

Говорятъ объ агитаціи. Я готовъ этому вѣрить, хотя это здѣсь не доказано. Но для агитаціи нужна почва—и эта почва, я утверждаю, существуетъ.

Здѣсь говорилось о такъ называемыхъ «волчкахъ»; они то, я думаю, и явились распространителями слуховъ и творцами прокламацій, шедшихъ по рукамъ. Слухъ о ритуальномъ убійствѣ пущенъ ими же и только подлилъ масла въ огонь. Я не могу обойти молчаніемъ и факта приготовления къ отпору со стороны населенія.

Русское населеніе могло тревожиться этими слухами, и естественно, что населеніе встревожи-

лось—и вотъ почва для столкновенія была уже подготовлена.

Этимъ я и ограничусь: все эти обстоятельства, по моему мнѣнію, и служатъ причиною погрома.

Затѣмъ прокуроръ перешелъ къ уликамъ противъ отдѣльныхъ участниковъ погрома.

Что касается лицъ самообороны, то обвинитель не находитъ въ общемъ установленнымъ принадлежность къ организованной самооборонѣ двухъ лицъ: Аландора и христіанина Штрауса. Что касается остальныхъ восьми лицъ самообороны, то обвинитель находитъ, что они, стрѣляя въ громахъ, совершали этимъ самымъ нападеніе на населеніе, преступленіе предусмотрѣнное карающей статьей уголовного кодекса. За эти дѣйствія они должны, естественно, потерпѣть наказаніе.

Повстрѣнный гражданскихъ истцовъ А. И. Гиллерсонъ сказалъ приблизительно слѣдующее: Г.г. судьи! Настоящее дѣло нѣсколько необычно. Приходится тутъ намъ говорить не объ обычномъ уголовномъ преступленіи, а о цѣлой преступной эпопее, гдѣ одна часть населенія объявлена внѣ закона, а другой усиленно внушается, что она выше всякаго закона.

Дѣло о погромахъ противъ евреевъ составляетъ и печальную для евреевъ, и позорную страницу въ исторіи русскаго народа и увы!.. Они не впервые создались и создаются, они начались еще въ 80-хъ годахъ.

Предсѣдатель останавливаетъ гражданскаго истца: «Прошу васъ не касаться общихъ причинъ, а исключительно останавливаться на фактическомъ

материалъ».

Гражданскій истецъ. Я не могу не говорить объ общихъ причинахъ погрома. Неужели вы думаете, что я явился сюда, чтобы обвинить только этихъ жалкихъ, вовлеченныхъ въ преступленіе, людей или получить съ нихъ деньги? Я хочу указать, какимъ образомъ они дошли до этой скамьи подсудимыхъ; если мнѣ не будетъ позволено на этомъ остановиться, я дальше продолжать не буду.

Тягостное молчаніе.

Предсѣдатель предлагаетъ слово защитнику Дубосарскому, но тотъ отказывается говорить и проситъ перерыва, чтобы обсудить совмѣстно съ товарищами создавшееся положеніе. Послѣ перерыва защитники заявили о своемъ угнетенномъ настроеніи, создавшемся вслѣдствіе вынуждаемаго отъ слова ихъ товарища по ссловію.

Предсѣдатель предлагаетъ снова слово гражданскому истцу.

Гиллерсонъ продолжаетъ: «Я долженъ дальше сказать, что погромы создались благодаря беззаконному положенію евреевъ. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что евреи выказываютъ себя противниками государственности; они только вынуждаются къ противодѣйствию противъ тѣхъ, которые дѣлаютъ русскую исторію. Раньше, быть можетъ, съ точки зрѣнія узкой политики, и были причины приписывать погромы мнимой экономической розни, но теперь точка зрѣнія исключительно политическая,

Кишиневскій процессъ, обнаружившій политику фонъ-Шлеве, далъ къ этому яркую иллюстрацію.

Въ настоящемъ процессѣ есть черты Гомеля.

Обвинительная власть усиленно подхватывала всѣ нелѣпности, всѣ легенды, распускаемая безчестными или невѣжественными людьми. Всѣ эти данныя, по мнѣнію гражданского истца, подрываютъ вѣру въ обвинительный актъ; съ такимъ актомъ нельзя примириться. Я говорю объ этомъ съ болью въ сердцѣ.

Но въ этомъ же обвинительномъ актѣ ни слова о яркихъ фактахъ участія ротмистра Бѣловодскаго, ни слова о тѣхъ лицахъ, которые должны были бы сидѣть здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ.

Отбросимъ же обвинительный актъ; возьмемъ материалъ судебного слѣдствія.

Здѣсь въ Мелитополѣ, какъ и въ другихъ городахъ, освободительное движеніе выразилось довольно ярко... И этому хотѣли положить предѣлъ. Появляется ротмистръ Бѣловодскій, появляются «волчки» (по мѣстному выраженію — бродяги). Какъ они вошли между собою въ сношеніе, я не знаю; я право не знаю, какъ волки сносятся съ «волчками».

Но всѣхъ поразило это знаменательное совпаденіе; я видѣлъ бы въ этомъ нѣчто мистическое, если-бы считалъ это случайнымъ.

Результаты агитаціи не замедлили сказаться; городское самоуправленіе заволновалось, заволновалась и полиція. Но тогда еще не захотѣли погрома и погрома не было.

Но что же дальше? Появился таинственный бродяга Танасовъ, уведшій съ собою дѣвочку. Этотъ Танасовъ изъ Бессарабіи, изъ мѣсть, гдѣ знаютъ, какъ дѣлать погромы.

Я утверждаю, что Танасовъ, очевидно, гото-

вился для созданія Мелитополю кровавой бойни, подобной Кишиневской.

Бродяга бѣжить изъ кордегардіи. Какъ бѣжить? Увы! Это тайна русскихъ кордегардіи. Но несомѣнно, что бѣжалъ онъ съ помощью тѣхъ, кто былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы погромъ состоялся.

Я думаю, что не нужно вамъ указывать, кто хороводилъ этимъ дѣломъ, или правильнѣе выражаясь, «бѣловодилъ».

Неунывающий ротмистръ Бѣловодскій принимается и за другое средство: за прокламаціи... *(Предсѣдатель останавливаетъ гражданскаго истца)*. Наши патріоты именемъ царя велятъ населенію бить и убивать евреевъ. Они всегда прикрываются Его именемъ, творя свое злое дѣло — и этимъ ставятъ въ опасность то, чему они служатъ. *(Предсѣдатель снова останавливаетъ его)*.

Послѣ этого вы поймете, г.г. судьи, что я и не хотѣлъ бы обвинять этихъ жалкихъ людей, но въ то же время я не хочу, чтобы отсюда, изъ зала суда, вышла безнаказанность и подсказывала всѣмъ другимъ дальнѣйшія насилія противъ несчастныхъ людей и поощряла беззаконіе.

Переходя къ подсудимымъ, я долженъ указать на Безверхаго и Дикаго, собственно говоря, они все могли бы считаться «дикими». Мишка Безверхій и Дикій не только громили. Они еще и полицейскіе агенты. Мистическая связь этихъ группировокъ ни для кого не тайна.

А эта типичная семейка Сенюгиныхъ. Къ счастью, такихъ русскихъ семеекъ мало, очень мало:

иначе это было бы несчастіемъ для нашей родины. Этотъ отецъ, подъ предводительствомъ котораго идутъ сыновья на грабежи и поджоги, есть достойный отецъ достойныхъ сыновъ. Его избличаютъ свидѣтели и избличаютъ очень достовѣрно.

Онъ, этотъ злой отецъ, ведущій сыновей на погромъ, онъ пустилъ по міру массу людей... Гражданскій истецъ даетъ рѣзкую характеристику наиболѣе виновныхъ подсудимыхъ.

Дальше онъ продолжаетъ: Я не буду касаться всѣхъ этихъ несчастныхъ людей. Этихъ солдатъ, грабятшихъ добро, этихъ стариковъ съ ногами молодыхъ, когда надо пойти на грабежъ. Вы своимъ приговоромъ должны постановить, что нельзя безнаказанно грабить и разорять людей. Вамъ придется сказать слово осужденія во всемъ этомъ дѣлѣ. Скажите же его искренно и прямо, строго и справедливо.

Я долженъ обвинять всѣхъ подсудимыхъ въ томъ числѣ и самооборону. Я, конечно, исполню свой долгъ до конца.

Ихъ обвиняютъ по 269 статьѣ. Я охотно поддерживалъ бы обвиненіе противъ ихъ.

Но я юристъ, я долженъ знать, что можно, и чего нельзя; я знаю, что люди имѣютъ право обороняться. Здѣсь самооборону прокуроръ называетъ «самообороной» въ кавычкахъ. Если ставить кое-что въ кавычки, то въ Россіи есть очень много для этого. Они этихъ кавычекъ не заслужили: ихъ заслужила полиція, ихъ заслужилъ пожарный обозъ, ихъ заслужилъ ротмистръ Бѣловодскій. Они же, самооборона, безъ кавычекъ, они чисты, отъ

этих иронических ковычек: оставьте их для патриотов!

Я согласен обвинять самооборону только в том, что она недостаточно энергично действовала: надо стрелять не вверх, когда готовятся напасть на твой дом и жену, а прямо; когда берешь в руки револьверъ, надо мѣтко цѣлить, а не стрѣлять вверх. Это ихъ право, они могутъ обороняться.

Меня беретъ ужасъ, какъ это такіе люди попали на скамью подсудимыхъ. Впрочемъ, вь последнее время скамья подсудимыхъ давно уже перестала быть скамьей позора. Отъ нея надо прятать только Бѣловодскихъ.

Я настаиваю на полномъ оправданіи самообороны: Если вы ихъ осудите, тогда я боюсь, гг. Судьи, что и слово „судь“ надо будетъ взять вь кавычки.

Я не ищу денегъ съ громилъ. Я вѣрю, что на нашей родинѣ настанутъ скоро такіа времена, когда я сумѣю получить эти деньги, сумѣю обвинить настоящихъ виновниковъ и получить удовлетвореніе вь другомъ мѣстѣ. Здѣсь я ищу только справедливости.

Послѣ гражданскаго истца г. Гиллерсона произносили защитительныя рѣчи гг. Мурзаевъ, Дубосарскій и Шапиро.

Г. Мурзаевъ, описавъ общій фонъ, на которомъ разыгралось погромное движеніе, говоритъ, что прокуроръ называетъ подсудимыхъ вожаками погрома. Такое мнѣніе Прокуроръ составилъ на основаніи верхушекъ обвинительнаго акта, не позаботясь углубиться вь центръ тяжести всего дѣла—

тогда бы онъ сдѣлалъ другое заключеніе. Кружки социаль-демократической партіи, широко раскинувшись по всей Россіи, не вызывали погромовъ, а погромы вь Керчи и другихъ городахъ ясно обнаружили на какой почвѣ и кѣмъ они создавались. Указывается вь числѣ причинъ погромовъ и то, будто евреи радовались пораженію русскихъ войскъ вь войнѣ съ Японіей и это входитъ вь рѣчь Прокурора.

Ссылаясь на рядъ свидѣтелей, г. Мурзаевъ не видитъ вь ихъ показаніяхъ подтвержденія національной вражды, которой вь дѣйствительности и не было. Не сказалъ этого и такой специфической свидѣтель, какъ Болдыревъ, ограничившійся предположеніемъ, что можетъ кто вь сердцахъ и держалъ неприязнь. Погромъ явился внезапно, когда на сцену выступили агенты полиціи, какъ напри- мѣръ городской Азаренко, подстрекавшій толпу къ погрому и избіенію евреевъ, имѣя за собою авторитетъ полицейскаго мундира. Затрудняясь объяснить обвиненіе своихъ подзащитныхъ по 269 ст., г. Мурзаевъ говоритъ, что разъ не было племенной, национальной и экономической вражды, то строить обвиненіе на ней нѣтъ основаній. Данные дѣла и личныя наблюденія приводятъ защитника къ мысли, что участіе подсудимыхъ вь погромѣ можно объяснить и индивидуальными свойствами каждаго изъ нихъ.

Г. Мурзаевъ подробно останавливается на каждомъ изъ обвиняемыхъ и давая характеристику присваиваемымъ имъ обвиненіямъ, степени ихъ участія вь погромѣ и оцѣнку свидѣтельскихъ показаній—

обращается къ списхожденію суда въ сторону людей, послужившихъ слѣпымъ орудіемъ чужой воли и ходатайствуя принять во вниманіе положеніе тѣхъ, продолжительное содержаніе коихъ подъ стражею уже было внушительнымъ искупленіемъ за содѣянное.

Защитникъ второй группы подсудимыхъ прис. повѣр. г. Дубосарскій говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ 269 ст. встаетъ во всей своей остротѣ, грозя обрушиться на тѣхъ, кто защищалъ своихъ матерей, женъ, дѣтей, издавая одни холостые залпы; что эта грозная статья закона готова обрушиться всею тяжестью на нихъ за то, что она рождена среди брызговъ еврейской крови. Эта статья обвиняетъ сидящихъ на скамьѣ въ самооборонѣ, а они только защищали и защищались отъ нападенія. Указавъ на впечатлѣніе ялтинскаго погрома, дошедшаго зыбью до Мелитополя, г. Дубосарскій говоритъ, что когда тамъ буря утихла, отголоски ея развернулись здѣсь въ погромъ. И самооборона въ эту ужасную минуту направила безвредное оружіе, чтобы отразить нападеніе. Неужели защищаться отъ нападающаго есть преступленіе и за это можно грозить 269 ст.? Преланіе обвиняемыхъ суду по этой статьѣ защитникъ считаетъ большимъ недоразумѣніемъ.

Говоря о томъ, что никакія политическія тенденціи, навѣяныя переживаемой эпохой, не должны быть введены въ разсматриваемое дѣло, защитникъ говоритъ, что въ нашемъ распоряженіи есть 101 ст. ул. о нак., допускающая право самозащиты и что только съ точки зрѣнія этой статьи и

можно и смотрѣть на дѣянія подсудимыхъ.

Приглашая судей вспомнить показаніе г. Бакалова, нарисовавшаго участниковъ самообороны съ блѣдными, усталыми, изнуренными лицами, г. Дубосарскій говоритъ, что эти люди пришли на помощь не какъ сьорганизованная заранѣе сила, а въ силу естественнаго влеченія нравственнаго долга, въ силу подавляющихъ событій.

Показаніе г. Барсука дало поводъ г. Дубосарскому сослаться на него какъ на христіанина, который однако не остался пассивнымъ зрителемъ разрома. Свидѣтель этотъ не только приглашалъ къ самооборонѣ, настойчиво увѣщевая евреевъ обороняться, т. к. имъ грозитъ опасность, но самъ сталъ въ ряды защитниковъ и руководилъ движеніями и тактикой обороны.

Отрицая признаки національной вражды г. Дубосарскій ссылается на участіе въ самооборонѣ русскихъ людей и, между прочимъ, лютеранина и германско-подданнаго Штрауса, у которыхъ во всякомъ случаѣ такой вражды и быть не можетъ ни къ одной, ни къ другой націи.

Не національная, а другая вражда руководила погромомъ. И эти рабочіе люди, живущіе трудомъ своихъ рукъ, обвиняются и сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ за какую-то вражду—это сплошное недоразумѣніе!

Уважая идею права, правды и справедливости, защитникъ не допускаетъ обвинительнаго приговора, онъ не встрѣтитъ общественнаго одобренія. Надѣясь, что судьи приговоромъ своимъ не раздѣлятъ отъ чувства права, защитникъ ожидаетъ только

оправданія подсудимыхъ. Преданіе суду еще не является тѣмъ основаніемъ, на которомъ строится обвиненіе. Пьедесталь, на которомъ мы стоимъ, построенъ не изъ доброкачественнаго матеріала,

Остановленный Предѣвателемъ предложеніемъ не касаться синихъ цвѣтовъ, г. Дубосарскій, указавъ на свидѣтельскія показанія, не подтверждавшія виновности его подзащитныхъ Штрауса, Квиницкаго Бушейкина и Алендора, сказалъ, что въ обвинительный актъ паворочено все вокругъ еврейскаго люда на основаніи непровѣренныхъ слуховъ, и разъ вражды нѣтъ, то 269 ст. должна быть отвергнута. Обвинительный актъ обоснованъ на почвѣ этой статьи, всѣ же свидѣтели убѣдились, что самооборона не нападала, а защищалась.

269-я статья не можетъ обрушиться на еврейскія плечи и мечъ правосудія долженъ былъ бы быть отведенъ въ другую сторону.

Равенство всѣхъ предъ закономъ отвратило бы отъ насъ все нами переживаемое и мы здѣсь не были бы.

Защитникъ г. Шапиро говорилъ, что онъ старался внимательно слѣдить за каждой чертой судебного слѣдствія, наблюдая за всякимъ движеніемъ въ пользу защищаемыхъ имъ подсудимыхъ. Этимъ однимъ можно объяснить ту горячность и то волненіе, которыя порою проявлялись у него и у его товарищей: судьбу ихъ они принимали близко къ сердцу.

Далѣе Шапиро сказалъ, что судъ ничего не далъ для настойчиваго обвиненія со стороны Прокурора, а онъ обвинялъ цѣлый народъ, цѣлую національность. Нужно пережить весь гнетъ еврейскаго народа, прежде чѣмъ обвинять его. Судъ надъ цѣлою націей—ненормальность. Въ данномъ дѣлѣ Палата судитъ Сирицкаго не за то, что онъ стрѣлялъ въ воздухъ, а за то, что онъ это дѣлалъ изъ побужденій племенной, религіозной и экономической вражды,—но это сперва нужно доказать. Къ счастью такихъ побужденій у подсудимыхъ не было, свидѣтели этого не удостовѣрили, не говорили объ этомъ даже тѣ свидѣтели, которые были особенно благопріятны для обвинителя, какъ, напримеръ, Болдыревъ, сказавшій только, что можетъ быть кто въ сердцахъ имѣлъ вражду. Такой свидѣтель, какъ Бакаловъ, утверждаетъ полное отсутствіе какой либо вражды, другіе же говорили, что во время погрома кричали: «бей полицію», что и дѣлали.

Въ обвинительномъ актѣ сказано, что Корабельниковъ былъ раненъ, что въ него былъ произведенъ выстрѣлъ и что были наслія надъ личностью, но это оказалось мифомъ: Корабельниковъ этого не подтвердилъ, какъ не говорилъ объ этомъ Евтѣевъ и ни одинъ свидѣтель. Здѣсь на судѣ 15 свидѣтелей категорически заявили, что жандармскій ротмистръ Бѣловодскій подстрекалъ толпу къ погрому и это не занесено въ обвинительный актъ, а показанія какой-то психопатки Воиновой старательно вписываются.

Донуская возможность вражды на политической почвѣ, изъ-за чего происходили разногласія, г. Шапиро за отсутствіемъ фактическаго матеріала, не находить возможнымъ выводить на сцену другую вражду.

О Мелитопольской полиціи г. Шапиро замѣтилъ, что она во время погрома была переодѣта; изъ этого видно, какою она пользовалась популярностью въ населеніи — она боялась быть убитой.

Г. Безруковъ (исправникъ) не могъ не сказать, что полиція безсильна, слѣдовательно ясно, могли ли евреи, при такой популярности полиціи, быть спокойны.

Свидѣтель Бакаловъ сказалъ, что при началѣ погрома полиціи не было, а какъ она относилась къ тѣмъ, кто обращался за ея содѣйствіемъ, показалъ Клецкинъ: когда онъ обратился къ Исправнику за помощью, послѣдній отвѣтилъ ему плевокъ въ лицо. Это значитъ плевать въ лицо нашей собственной кровью.

Отрицая обвиненіе самообороны по 269 ст., г. Шапиро спрашиваетъ, нужно-же когда-нибудь установить — можно въ Россіи защищаться или нѣтъ?

Нельзя въ самооборонѣ видѣть только однихъ евреевъ, — тамъ были и русскіе.

Кромѣ того свидѣтели; Морозовъ говоритъ, что отпоръ былъ необходимъ, а Ленкевичъ сказалъ, что самооборона дѣйствовала нѣ несообразно. Даже Мойсакъ городской указывалъ на необходимость самообороны, нужно было защищаться. Изъ дѣла видно, что инициативу защищаться подалъ христіанинъ Барсукъ, предлагая христіанамъ соединиться

съ евреями и отражать опасность. Самооборона, какъ таковая, сьорганизовалась только на второй день погрома и нельзя довѣрять Безрукову, что погромъ начался только съ появленіемъ самообороны. Къ обвиненію пристегнуты совершенно невинные люди. Видѣ свидетели говорили, какой былъ хаосъ во дворѣ Сирицкаго и что должны были дѣлать онъ, Коганъ, Афринъ и Турецкій передъ надвигавшейся толпой громилъ, какъ не защищаться? Сирицкій долженъ былъ стрѣлять, потому что другой законной защиты ждаты было ноткуда.

Мойсакъ! Этотъ всезнающій, наблюдавшій на всѣхъ улицахъ и тотъ никого изъ подсудимыхъ не видѣлъ, которые-бы участвовали въ погромѣ или въ причиненіи насилій надъ людьми. Мойсакъ, вѣроятно, самъ прятался, какъ и вся полиція. По крайней мѣрѣ г. Барсукъ говоритъ, что полиція выползла изъ своихъ норъ послѣ прибытія войска.

Нужно было кого-нибудь обвинить въ погромѣ и наказать и для этого взяли безвинныхъ, тѣхъ, кого грабили и кто терпѣлъ отъ погрома, а не тѣхъ, кто грабилъ и поджигалъ.

Противъ евреевъ поставлено обвиненіе, что они противъ царя, что они организуютъ кружокъ соціаль-демократической партіи и идутъ въ первыхъ рядахъ освободительнаго движенія, — какъ они смѣютъ это дѣлать?

Стоитъ спросить любого изъ громилъ, за что были евреевъ и онъ вамъ скажетъ: такъ, просто дурака ломали, пьяными прикидывались; а на счетъ отношеній къ евреямъ скажетъ, что ничего не

слышали и не знают. Для погромныхъ дѣлъ пользуются специалистами, людьми не дорожащими совестью. Ихъ можно подкупить бить не только еврея, но и помѣщика и кого угодно, они сдѣлаютъ съ удовольствіемъ. Они не знаютъ, кто ихъ врагъ и кто другъ. Развѣ можно сказать, чтобы эта кучка людей и русскихъ и евреевъ, забитая общимъ безправіемъ, могла свободно и сознательно отличить врага отъ друга? Въ заключеніе рѣчи г. Шапиро сказалъ, что достоинство суда удержится тѣмъ приговоромъ, который будетъ имъ вынесенъ.

Нужно заглянуть въ тѣ жилища, гдѣ живутъ эти люди, заглянуть въ ихъ души, опѣнить ихъ поступки, направленные къ защитѣ дорогихъ имъ людей, чтобы сердце смягчилось, а рука дрогнула прежде, чѣмъ приговоръ будетъ подписанъ.

Въ послѣднемъ словѣ всѣ обвиняемые удостоивѣри, что они противъ евреевъ вражды не имѣли, а одинъ заявилъ, что онъ отъ евреевъ только и имѣлъ заработокъ, принимая отъ нихъ заказы по своему ремеслу.

Нашелся и предатель. Какъ на судебномъ слѣдствіи Воинова дала рядъ комическихъ положеній, такъ въ послѣднемъ словѣ Ульрихъ, пожелавъ замѣнить ея славу, потщился къ тому со всѣмъ усердіемъ комика-доносчика.

«Слово» свое Ульрихъ началъ съ того, что всѣ свидѣтели идутъ противъ подсудимыхъ и говорили неправду, и сослался на одну свидѣтельницу, которая въ перерывѣ засѣданія извинялась передъ нимъ за ложное показаніе изъ боязни сказать правду. Правду эту Ульрихъ предложилъ выложить

передъ Палатой и рассказалъ сказку, что демократы идутъ противъ царя и правительства. Однажды онъ, Ульрихъ, въ компаніи съ 5-ю евреями сѣли въ кружокъ и онъ предложилъ узнать, есть-ли на свѣтѣ Богъ. Поставивъ кружку съ водой, сей новый Гедсонъ сталъ испытывать Геръ-Гота, обратясь къ нему со словами: Боже всемогущій, если ты такой сильный, то претвори чрезъ нѣкоторое время воду въ пиво. Пождавъ малое время и видя, что вода не претворяется въ любимый нѣмецкій напитокъ, геръ-Ульрихъ снова обратился съ воззваніемъ къ Богу: о Боже всевышній! Если ты не можешь превратить воды въ пиво, то преврати хотя въ бузу. Но и бузы не вышло. Тогда одинъ изъ евреевъ сказалъ: я вижу ты умный, поступай къ намъ въ политическіе, если хочешь ходить въ хорошей одеждѣ, имѣть хорошіе харчи и деньги. На вопросъ Ульриха—что же тамъ дѣлать?—демократы отвѣтили, чтобы не было Государя и Правительства. Не смогли сообразить, что это значить, Ульрихъ получилъ разъясненіе, что есть такой народъ, который не вѣритъ ни въ какого Бога и чтобы и онъ не вѣрилъ. —Я противъ евреевъ, противъ тѣхъ, кто отвергаетъ Царя и Бога, я принимаю подданство Россіи и стою за новое отечество—оправдывался участникъ погрома и недостойный сынъ фатерланда.

Рѣчь Ульриха прерывалась смѣхомъ въ публикѣ, которую онъ за это упрекалъ, ссылаясь на свой нѣмецкій акцентъ и, наконецъ, бредъ этотъ прекращенъ предсѣдательствующимъ.

VI-6958
Послѣ этого были прочитаны обвинительные вопросы, по содержанию которых защитники судьи замѣчания, касающіяся 269 ст. Ул. и Палат удалась для постановленія приговора.

Въ 7 часовъ вечера Палата вынесла слѣдующій приговоръ.

Безверхій—лишеніе всѣхъ правъ состоянія съ заключеніемъ въ арестантскія роты на 1 годъ и 3 мѣсяца; Дикій—1 годъ тюрьмы; Сениогинъ Василій—арестантскія роты 1 годъ 3 мѣсяца; Сениогинъ Захарій—8 мѣсяцевъ тюрьмы; Сениогинъ Гавріилъ—тоже; Литвиненко—8 мѣс. тюрьмы; Селезневъ—8 мѣс. тюрьмы; Ляшко—съ лишеніемъ правъ и воинскаго званія—1 годъ арестантскихъ ротъ; Ульрихъ—4 мѣс. тюрьмы; Вишниченко—8 мѣс. тюрьмы; Коноваловъ—6 мѣс. тюрьмы; Лошаковъ—8 м. тюрьмы; Журавлевъ—тоже 8 мѣс.; Казвинъ—тоже; Сениогинъ—отецъ, Сениогинъ Михаилъ (сынъ), Мельничковъ, Бузницкій и Болотинъ оправданы. Лица, участвовавшія въ самооборонѣ: Штраусъ, Алендоръ, Коганъ, Дюбинъ, Турецкій, Бушейкинъ, Квитницкій, Сирицкій и Афринъ—оправданы.

КОНЕЦЪ.